

СМЕНА

16
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Давно уже стала спутником Солнца первая в мире советская космическая ракета, а где-нибудь на шахте или руднике нет-нет да и затеют о ней разговор рабочие парни.
Фото А. Иванкина.

А. Колячки», которые на деле показали, какими огромными возможностями располагают горняки для повышения производительности труда и снижения себестоимости угля. А сейчас их последователи в каждом бассейне, комбинате, тресте добиваются новых высоких показателей. Образцы героической работы показывают «разведчики будущего» — бригады коммунистического труда, в которых трудится много комсомолец, молодежь.

Нынешний День шахтера особенный. Он первый в семилетке. Превратить в жизнь цифры семилетнего плана — этим живут сейчас горняки. Зрче разгорается огонь соревнования, еще живее бьют ключи инициативы. Так, луганские шахтеры, зачинатели всесоюзного соревнования, к 1 июня выполнили годовое задание и обязались добыть за первый год семилетки 500 тысяч тонн угля сверх плана. Двадцать семь тысяч рационализаторов насчитывается сейчас в Кузбассе. Среди них известный всей стране механик шахты «Байдюевская» Яков Гуменик, получивший за свой комбайн, на котором были установлены мировые рекорды скорости прохода, Ленинскую премию.

Новую трудовую активность вызвали решения июньского Пленума ЦК КПСС. Взят твердый курс на использование высокопроизводительного оборудования, на комплексную механизацию наиболее трудоемких процессов. В первую очередь будут механизированы навалка угля и передвижка конвейеров на пластах пологого и наклонного падения, выемка угля на крутопадающих пластах, погрузка угля и породы, подземный транспорт. Предстоит решить грандиозную задачу: перейти от автоматизации отдельных операций к созданию полностью автоматизированных шахт.

С огнем, с подъемом взяли шахтеры за техническое перевооружение своих предприятий. Так, горняки Урала дали слово выполнить семилетний план автоматизации за пять лет. Горячую поддержку среди шахтеров нашел патристический почин Героя Социалистического Труда Валентины Гагановой. В первые же дни после пленума начальники передовых участков угольной Кадвечи Н. Якушев, А. Чертов, В. Антонов, А. Шильцутт решили перейти на работу в отстающие участки. Они обратились с призывом ко всем инженерно-техническим работникам луганских шахт последовать их примеру.

Горячее участие в борьбе за технический прогресс, за увеличение добычи угля принимает комсомолец. По призыву ЦК ВЛКСМ молодежь берет. Более комсомольское шествие над внедрением на шахтах новой техники и средств комплексной механизации и автоматизации.

Комсомольский привет солидарному племени советских шахтеров!

30 АВГУСТА —
ДЕНЬ ШАХТЕРА

ШАХТЕР—ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО!

Под огнем и уважением окружен в нашей стране труд горняка, дающего свет и тепло людям и, по образному выражению Ленина, хлеб — промышленности. В День шахтера весь советский народ с любовью чествует славу свою угольщиков.

Крепкий человек в робе, каксе, с отбойным молотком на плече —

таково традиционное представление о шахтере. А ведь оно отчасти устарело. Отбойный молоток — это техника вчерашнего дня. В шахту пришли новые, высокопроизводительные машины и механизмы, облегчающие человеческий труд. Развиваются прогрессивные методы добычи угля: открытые разработки и гидравличе-

ский способ; все шире внедряется комплексная механизация и автоматизация производственных процессов. По применению выемки угля «подземными скороходами» — комбайнами — СССР намного опередил все страны.

Кажется, совсем недавно знала вся страна имена донецких шахтеров-новаторов Н. Мамая и

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ,
Август. № 16. 1959 год.

ТУДА,
ГДЕ
ТРУДНО

Камдий советский труженник с сердцем попуествовал величие программы, начертанной XXI съездом партии, программы размерного строительства коммунистического общества. И какой новый трудовой подъем охватил нашу страну, какие могучие родники творческой инициативы забились в гущу народной жизни! Читатель газеты, слушающий радиопередачи и радующийся: хорошо мы начали первый год семилетки, правильный взяли разгон, широким шагом пошли по пути к новым успехам. Что ни день, то узнаешь о славных победах строителей, металлургов, химиков, ткачей, создателей сложных машин и автоматов. Рабочие досконало выполняют планы, рационализируют производство, внедряют новую технику, экономят средства и материалы. А сколько славных начинаний рождается на заводах, фабриках, шахтах, новостройках!

Вся страна узнала о благородном почине Валентины Гагановой, почине, которому наша родная партия дала высокую оценку. Сейчас на всех предприятиях страны растет число последователей замечательной комсомолки-ткачихи Вышневолоцкой фабрики. Да это и не удивительно. Ведь мы, труженники, воспитанные Коммунистической партией, во имя великой цели — построения коммуниз-

ма,—если надо, готовы идти на любые самопожертвования. Об этом хорошо говорил на июньском пленуме Минита Сергеевич Хрущев. Немало последователей Валентины Гагановой и на нашем предприятии — Глуховском хлопчатобумажном комбинате. Несколькими месяцами назад в цехе № 4, где я работаю, стали поговаривать о том, что хорошо бы ткачихам перейти на обслуживание не шестнадцати, а двадцати станков, а помощникам мастера — сорочка, а не тридцати двух. Наш, да и многие другие комплекты готовы были к такому переходу. Но вот соседи на 79-м комбинате и думать об этом не решались: ткачихи и на шестнадцати станках не выполняли плана.

Думали, приниждали: как быть? Конечно, можно было бы расформировать самый плохой комплект. Но такой путь нам показался неверным. Посмотревшись с начальником цеха, мы с подругой Зоей Васильевой и помощником мастера Сергеем Александровичем Кулининым решили перейти на оставшийся 79-й комплект.

Кое-кто пророчил Кулинину:

— Теперь тебе долго прогрессивки не видать. Хорошо, если до нового года вылезешь из этой дыры...

Но пророчества не сбылись. Сергей Александрович с первых же

дней взялся за работу по-новому. Бывало, придется в цех, а он уже там: обходит станин, налаживает их, копается в оборудовании. И так весь месяц без прерывания. Кулинин условился со шведскими наладчиками: как следует профилактический ремонт и за свои станин отвечать по-настоящему. Решено было каждый отремонтированный станок принимать друг у друга и отмечать малейшие недостатки. И мы стали присматриваться к работе своих шведцев. Весь месяц сообщал налаживал работу, и результат оказался неординарным даже для нас: нормы выработки на этом комплекте поднялись у ткачих до 110—115 процентов!

Оноло традиции передовиков производства нашего комбината переходили на отступающаи участки, а бригады и комплекты, чтобы помочь им подняться до уровня лучших.

Не личная выгода руководит этими товарищами. Они стремятся и тому, чтобы добиться общего успеха. Они идут туда, где трудно, чтобы умножить число передовиков.

Наталья ЦВЕТКОВА,
ткачиха цеха № 4 Глуховского
хлопчатобумажного комбината
имени В. И. Ленина

На Глуховском хлопчатобумажном комбинате с камдий дном ширится ряды последователей Валентины Гагановой. В числе первых в это патристическое движение включились комсомолки Галина Ладанина (слева), Райя Аплатова, Ольга Фомичева, Вали Холдина, коммунист Наталья Цветкова, комсомолки Зоя Ульянова, Анна Крепичева, Нина Дворцова...

Фото В. Савка.

Мне тоже хотелось
быть бригадиром

Очерк

Рисунок бригадира
бригады коммунистического труда
П. Белоусова.

Задание, по которому предстояло ехать в Курган, мне объяснили в редакции предельно лаконично. Подали местную молодежную газету, показали подчеркнутые красным карандашом четыре строчки: «Пришла Светлана Дедова из соседней бригады и сказала: я! ты водку, курю. Но я хочу жить правильно. Примите в свою семью».

Это были строчки из хроник на полосу, где рассказывалось о шутливой бригаде Петра Белоусова, завоевавшей право называться бригадой коммунистического труда. В эту бригаду и просилась какая-то Светлана Дедова, о которой не было сказано больше ни слова.

«Кто же она? Чем продвигалась ее отчаянная откровенность? И откровенность ли это?.. Я пытался представить себе Светлану. Откуда из-за газетных строк неизменно выходила отравленная девочка, дымилась папиросой и говорила что-то грубым, трясущим голосом. Потом бросала папиросу, приглаживала расстрепанные волосы и произносила фальшиво, но выразительно:

— Хочу жить правильно! Примите в свою семью».

Я не верила являвшейся в моем воображении бригаду коммунистического труда. Мне вспоминался другой очертание похожий случай, когда «котельник», раздумавший парень, подручный сталкера, потребовал, чтобы его перевели из отставшей в лучшую на комбинате бригаду. Парень аргументировал требование довольно внятно, говорил почти так, как Светлана Дедова:

— Хочу новую жизнь начать. Хочу в бригаду Лаврова, чтобы перевоспитаться.

Его пытался убедить, что можно начать новую жизнь и не уходя из своей бригады, но парень был упрямым и своего добился. А очень скоро открылась и истинная причина его внезапного стремления «перевоспитаться». Пришел в комитет комсомола младший брат парня и сказал:

— Пусть меня Пашка за это дому выгонит, но я все равно комитат не могу. Он ведь в лавровскую бригаду из користи перевел-

ся: там заработки высокие и премальные каждый раз... Вчера как написал Пашка, соседским ребятам хвастал. Я, говорит, всех наших логуют за нас проведи.

История с Пашкой была свежа в моей памяти, и, быть может, поэтому я заранее не симпатизировала неизвестной Светлане Дедовой. Бригада Петра Белоусова работала в поселке ТЭЦ на строительстве клуба. Я пошла к девочкам, столпившимся возле ямы с раствором, и сразу же угадала среди них Светлану.

Нет, она не была похожа на ту, которая возникла в моем воображении. Но она не ее отличали резкость, мальчишеская угловатость в движениях, властная и задирность в голосе. Издали ее можно было принять за озорного, даже хулиганского мальчишечку-подростка. Она легла, даже как-то грубо размешивала лопатой раствор и нimbро возмущалась:

— До обеда простояли: цемента не было... Да он что, с ума сошел!..

Светлана озиралась по сторонам, будто ждала, что «он» вот-вот появится. Но никто из начальства не приходил, никому было предъявлять претензии, и это раздражало ее еще больше.

В бригаде было действительно неладно. Район строительства внезапно оказался без воды: до завтрашнего утра ее переверили сантехонтажники. Валя Зырянова, замешивавшая раствор на время его командировки, бежала в контору, звонила по телефону в трест, требовала машину. И только за час до конца смены к строительству подошел наконец грузовик с водой.

В такой неблагоприятный день и началось мое знакомство с бригадой Петра Белоусова. Потом я встречалась с молодыми строителями, когда не было у них минуты простоя, когда от работы горели руки и в пустой коробке будущего «красавца-клуба» звенели осколки. Я видела их на летучем рабочем собрании, в объективе, просто на улице. Мне всегда было интересно говорить с ними. Я находила, что они и умные, и уминые, и даже красивые.

Каждая по-своему... И у каждой яркая жизнь, и о каждой можно написать очерк.

Но больше других меня, конечно, интересовала Светлана Дедова. Я расспросила о ней у бригадира, у подруг, у соседок по объективу, у комсомольских руководителей треста. О ней говорили по-разному. И хорошо и плохо, и встревоженно и восторженно. Я расспросила Светлану, и девушка рассказывала о себе. Но рассказывала как-то очень спокойно, будто читала свою биографию в официальном документе. Биография была точной, подробной, по ней можно было установить даты, поступки, события. Но нельзя было узнать, какие мысли тревожат девушку, какие у нее мечты.

В воскресенье Светлана водила меня по городу, показывала дома, которые строила, и попутно вспоминала связанные с этими стройками эпизоды. Эпизоды были однако глупы: кто-то кого-то оскорбил, не вышел на работу. Причем о драках она говорила увлеченно, с мальчишеским озорством, пересказывала речь такими лихими словечками и фразами, на которые способен не каждый парень. Презрение к не нравящемуся ей человеку, недоверие им она, например, выражала совсем необычно:

— Мишка-то, спрашиваете, какой? Вью его в гробу!

Вечером мы сидели в номере гостиницы, и Светлана пополняла мои скудные познания в области строительного искусства. Объясняла виды кладки, чертила в моей записной книжке схемы. Говорила хорошим, культурным языком, а потом вдруг забывала о своем. На традиционный «рекреатив» у нас бригадир был... Своиский парень! Только лишь всю дорогу.

Я уже понимала, что «всю дорогу» — это в переводе на обыкновенный язык означало: как время, каждый день.

Лицо Светланы становилось при этом грубым, глаза вызывающе щурились, и голос звучал резко, неприятно. Я слушала ее внимательно, смотрела, как бойко бегают по бумаге карандаш, изображая схему, и кончик карандаша Орлянкин, и вдруг замечала, что бойкий карандаш замер, а Светлана замолчала на полуслове.

— Ценная кладка, — осторожно спросила я, — что это значит?

Светлана посмотрела странно, отсутствующим взглядом.

— Сейчас объясню...

Помедлила, осторожно положила карандаш, закрыла записную книжку, снова замолчала. Я замолчала тоже и только тогда услышала: пригнувшись до отказа к репродуктору языка Светлана, вдыхающая, страстная пылась. Я слегка повернула регулятор, и комнату заполнили сильные, бурные волны звуков. Девушка посмотрела на меня благодарным взглядом, и впрямую за все дни знакомства с ней я увидела, какие доверчивые, оказывается, у Светланы глаза.

Музыка кончилась. А Светлана долго еще сидела молча, задумчивая и строгая. Я не тревожилась, и потому, что тоже была во власти дивной музыки, и потому, что почувствовала: это удивительная музыка словно сблизилась нас, растопила какую-то натрустность в отношениях.

— Полонез Оубинского... — тихо сказала Светлана. — Моя любимая музыка. Еще с тех пор... с детства.

Погасли фиолетовые сумерки, черными ладонами прикрыла гостиничные окна густая ночь. В бездонной тишине коридора потонули звуки Полонеза, и гостиничные шторы, а потом noch неслышно отошла от окон, и, серебривый, зыбкий, заглянул в комнату рассвет. В коридоре скрипнула первая дверь, первые шаги разбудили тишину гостиницы... А мы все еще не поминили спать и, подобно старым друзьям, встретившимся после долгой разлуки, торжолливо, зловольно говорили обо всем на свете: о музыке, от которой сердце у человека становится словно кристаллом, о враге курганских камеников — четырехколесном киртчике, который крошит из легкого прикосновения мастера, о замечательном человеке — бригадире бригады коммунистического труда Петра Белоусова, о том, как большая и интересная сегодня жизнь, и о многом-многом другом.

Теперь я знала Светлану Дедову и могла писать о ней.

Миллионер вводит в детский приемник два чужака, полные одетых детей.

— Кто ваши родители? — мягко спрашивает начальник приемника.

Девочка смотрит исподлобья, отвечает зло, нехотливо:

— Кто! Нет у нас родителей!

— А где вы живете?

— Там и живем, откуда привели. В трубах...

— А питаетесь чем?

— Знакомые ребята хлеб приносят.

На дальнейшие вопросы дети не отвечают.

Девочка губит, мальчик размазывает по грязным щекм слезы.

— Ну, кто ж... улыбается начальник приемника, — раз вы к нам пожаловали, будьте как дома. Ступайте мыться, переоденьтесь, пообедайте, проведите их!

К вечеру чистые, сытые, повеселевшие дети становятся разговорчивыми и, перебивая друг друга, рассказывают, что они брат и сестра. Светке (она именов так и называет себя: «Светка») двенадцать лет. Витя — десять. Дети убежали из дому, потому что жизнь стала невыносимой. Каждый день мать избивает их и за случайную шалость, и просто так, без причины. Стоит только попасться ей на глаза. Особенно достается Светке. При одном ее виде мать хватается за тяжелые предметы, кричит: «Убогий Искалец!» — выгонет на улицу... Конечно, если бы был жив отец...

При упоминании об отце губы у Светки вздрагивают, а Витя судорожно цепляется за ее руку. Отец, штурман воздушной эскадрильи, погиб во время войны.

— Надо вернуться домой, — обнимает ребят за плечи начальник приемника. — С вашей мамой мы уже поговорили. Она очень ждет вас...

Ребята поднимают на начальника полное уважение, глаза и теснее прижимаются друг к другу.

— Не пойдем! Теперь она нас совсем убьет...

Они опять становятся замкнутыми и испуганными, и начальник приемника не может дойти до них больше ни слова.

К концу месяца на заседании исполкома Курганского городского Совета разбирается дело о бесчеловечном отношении Дедовой Веры Яковлевны к своим детям. Занимается заглавными соседями, говорят свидетели. Подходит к столу бледная, заплаканная Светка и убежденно, не по-детски серьезно заявляет: — Домой все равно не вернусь! Лучше буду на улице жить, в трубах, в канавках!

Дело разбирается долго. Мать плачет, дети убеждают, просят вернуть детей, но единодушным решением дальнейшую заботу о Светлане передают государству. Однако, принимая во внимание раскаяния и обещания Дедовой, оставляют ей младшего сына.

Заседание заканчивается. Мать берет Витю за руку, а Светлана уезжает в детский дом.

В детском доме Светку считают трудным ребенком. Она грубит, своеволичивает, не признает дисциплины. В ней столько озлобленности, столько недоверия к людям, что опытные воспитатели просто терпят: ну как, с какой стороны подойти к ней! Трудным ребенком ее продолжают считать и через два года. Правда, учится Светлана неплохо, добросовестно работает в трикотажной мастерской, но по-прежнему держит себя со всеми вызовом, одианово не уважая ни сверстниц, ни старших. У нее совсем нет друзей. Последнее особенно беспокоит педагогов и воспитательницу Светлану Аполлонову Борисову. В присутствии Светки она особенно часто говорит девочкам о благородном чувстве дружбы, которое помогает людям идти по жизни, рассказывает о том, насколько сильнее, насколько сытнее становится человек, когда у него есть друзья. Светка никогда не слушает этих ее рассказов. Занимается чем-нибудь посторонним, а то и совсем уходит из комнаты. Когда же Светлана Аполлонова замечает, что у нее нет, и презрительно, мимолетно замечает:

— Опять Воспитка трепалась... А вы уши распускаете.

— Она очень даже интересно рассказывает, — возражает кто-нибудь из девочек, но Светка только смеется:

— Да ну вас всех! Подхалимки...

Светка вообще невзлюбила мнения о воспитательнице из группы. Молодая, только что окончила институт. Год назад училась сама, а теперь «лезет утюг» другим. Светка так и говорит о ней: «лезет». И называет ее за глаза «Воспитка».

И вдруг происходит событие, после которого она никогда больше не называет Светлану Аполлонову этим презрительным, выдуманым ею самой словом.

Вечером воспитательница приглашает девочку в красный уголок и садится за рояль.

— Вонна этой Воспитки что-нибудь надо, — ворчит Светка. — Опять песню разучивать...

Светлана Дедова.

Она собирается уходить, но Воспитка очень просто, даже как-то стеснительно спрашивает у девочки:

— Вы будете слушать, если я вам что-нибудь сыграю?

Светка останавливается в двери и с удивлением замечает, что всегда выдержанная и ровная Светлана Аполлонова сегодня очень заволована. Девочки рассаживаются вокруг рояля, руки воспитательницы осторожно лежат на клавишах.

Сначала Светка все-таки хочет уйти и задерживается только из любопытства. А потом уже забывает обо всем. Широкая, властная и вместе с тем очень трогательная музыка permeвает ее своей силой и невинностью. Светка прислушивается к страстной мелодии и углубляется за этой страстностью и широтой живую человеческую боль. Будто грустит кто-то очень сильный и гордый... Будто потерял он самое дорогое и теперь не может вернуть его. Ей почему-то вспоминается портрет отца в парадной летной форме, представляется бездонное голубое небо, перечерченное силуэтом вражеского самолета.

Музыка крепнет. Исчезает щемящая душа боль, Светка слышит победные маршевые аккорды, в потом светлая и тонко плывет атмосфера высокой ноты, и опять повторяется страстная, сильная мелодия, за которой угадывается страдание живой человеческой души. Светка

медленно опускается на стул. Она чувствует себя подавленной и в то же время охрипленной. Она не может понять, что с ней.

— Тебе понравилась музыка? — тихо спрашивает воспитательница, и Светка поднимает на нее растерянные глаза.

— Не знаю...

И что ни делает она в этот вечер, чем ни занимается на другой день, она неотступно слышит светлую, чудесную музыку. Светка сама рассматривает воспитательницу и обращается к ней, впервые называя ее по имени и отчеству:

— Что вы играли вчера, Светлана Аполлонова?

— «Полонез» Огинского.

Воспитатели с удивлением и радостью замечают, как постепенно начинает теплеть сердце вступившей девочкой. У нее появляется интерес к людям. Сначала и одной только Светлане Аполлоновой. Теперь Светка не пропускает ни одного музыкального вечера. Садится поближе к роялю и, если Светлана Аполлонова спрашивает девочку, что они хотят послушать, обязательно просит:

— Полонез, который вы играли тогда... Помните?

Светлана Аполлонова играет, потом рассказывает девочкам об Огинском, о трогательной истории написания «Полонеза». В другой раз она играет им Чайковского, и Светку эта музыка особенно привлекает. Еще больше. Она пробует сама учиться игре на фортепиано, записывается в музыкальный кружок и старательно занимается с нем.

Однажды после музыкального вечера Светка провозмощает воспитательницу до ее комнаты и, когда Светлана Аполлонова приглашает ее заходить. В комнате тесновато, но уютно. На полках книги. Очень много книг. А на столе альбомы с фотографиями. И фотографий тоже очень много. Светлана Аполлонова замечает заинтересованный взгляд Светки. Усаживает ее у стола, пододвигает кресло.

— Это из туристского похода...

Снимки необыкновенные. В горах, по диким, узеньким тропкам пробираются веселые парни и девушки. И среди них — Светлана Аполлонова. В брюках, в клетчатой кофточке, с рюкзаком! Потом веселые парни и девушки сидят у костра, переходят вброд бурную речушку, плывут на байдарках, поют под гитару... Светка рассматривает снимки и спрашивает воспитательницу, где это была Светлана Аполлонова охотно и подробно рассказывает. Потом открывает ящик стола, и Светка видит, что он полон писем.

— Это все от друзей? — тепло говорит Светлана Аполлонова. — Рассказывай, какие институты, теперь вот письмами разговариваем.

— А вы... увидите с ними еще? — осторожно спрашивает Светка.

— Конечно, — улыбается Светлана Аполлонова. — Этим летом собираюсь в Закарпатье. — Все! — удивляется Светка.

— Нет, всем не уйдешь. Трое не смогут приехать. Зато вот эти, — она показывает на двух парней/ок, — придут к женщинам.

Светка делает новые открытия: оказывается, как хорошо могут дружить люди! И постепенно сама она начинает ощущать потребность в друзьях, тяготеет своим одиночеством, завидует девочкам, у которых много подруг.

В это время десятиклассницы решают взять

шефство над младшими. Приходит несколько взрослых девочек в шестой класс, где учится Светка, и объявляют о своем решении: К Светке подходит Рита Коллегина и говорит: — Я буду с тобой дружить.

— Зачем это? — отстраняется от нее Светка. Других ребят соборы не привлекают. И она сердито поворачивается к Рите спиной. Но десятиклассницы оказываются настоящими. В свободное время они проводят теплые и впоследствии дружелюбные встречи. Светка и другие ребята постепенно собираются в театр. Надевают праздничные платья, новые туфли. Рита, «нарядившись», выходит на мостик и, ожидая подруг, смотрит, как куваются младшие девочки. Светка понимает ее восторг: это подруги, которые пришли в театр. Светка выходит из воды, взбегает на мостик и, как бы невзначай, толкает Риту в воду. Мокрая, сердитая, Рита выбирается на берег. Но странно, она ни к кому не идет жаловаться! После этого события продолжает относиться к Светке так же ровно и хорошо, как прежде. А ведь из-за вынужденного купания она не смогла в тот день поехать в театр!

Часто Рита уводит Светку в парк и читает ей вслух то интересные стихи. Часто садится с ней вместе к роялю и просит играть пьесы, которые разучивают в кружке. Рита берет для Светки конфеты, выданные чаю, она заставляет ее надевать теплую кофточку, если на дворе пасмурно, она предлагает Светке решать трудные задания. И постоянно «трудно» Светка начинает мучить поспешно. Она дает себе слово признаться Рите и поспешно у нее прощения за то, что столкнула в воду. И вот дождавшись, когда Рита вышла из столовой, Светка останавливает ее. Толчется на месте, тербует кончики жестких рылец косичек и наконец произносит:

— Я тогда была в воду... нарочно толкнула.

Прощаю... — Я знаю, — спокойно говорит Рита, и будто ничего не случилось, берет Светку за руку. Они идут вместе. Светка чувствует, что и после признания ей не становится легче. Лучше бы Рита возмущалась, накричала, отругала ее! Но она молчала, она не выжидала Светку заметными ресницами. Рита ласково проводит ладонью по ее голове, и «трудная» девочка плачет. Тихими и кажим-то даже благодарными слезами. Потом они долго ходят, обнимаются, и наконец надели на ладное слово о своем будущем, и Светка узнает, что Рита собирается на комсомольскую стройку.

Утром, когда все еще спит, Светка пробуждается к большой одинокой чернушке, распустившейся и лохочкой надла на ладное слово. Белее оловое. Ловко забивается на дерево, рвет огромный бумажек и, крадучись, возвращается в спальню. Чтобы бумажка никто не видел, прячет его под кровать. Букет для Риты. Застря у нее первый завязочек. Как только она увидит Светку и подарит.

Рита дает первый, второй, третий экзамен... Светка с грустью следит, как бегут дни и приближается время разлуки. Она теперь ясно не осознает, что очень привязалась к Рите. Каждый раз в ее душе возникает ощущение, что в школьном коридоре и, когда та выходит наконец из класса, смеется навстречу, поздравляет, радуется, смеется вместе с Ритой. А по ночам рвет, уткнувшись в подушку. Она теперь так представляет, как это можно жить без Риты.

В тот вечер, когда десятиклассница торжественно выдают аттестаты, когда в актовом зале проходит выпускной бал, Светка убегает из спальни через окно. Запальника, она ходит вокруг школьного корпуса, заглядывая в окна. Она опять идет Риту... Старый парк кажется ночью таинственным, и ходить по нему даже невозможно страшно. Но Светка, встретив Риту, нарочно тащит ее в самую дальнюю аллею, чтобы их не заметил ночной сторож.

— Ну что ты ревешь? — тихо спрашивает Рита, и Светка слышит, как дрожит ее голос... Я же тебе писал буду. Светка всхлипывает. Рита продолжает утешать.

— Как десятилетку кончили, ко мне приедешь. В Сибирь... Прощай ведь! Внезапно Светка передает ревет, приди-

вается к Рите совсем близко и голосом, полным надежды, кричит:

— А что, если я убегу с тобой?

— Как это «убегу»? — настаивается Рита.

— Очень просто. Убегу из детдома и поеду в Сибирь на крыше вагона!

— Рита, Рита! — отбрасывает Светка сердито шмыгает носом и уже другим тоном, полным непоколебимой решимости, заявляет: — Так я и сделаю. Убегу...

С этого дня Светка перестает ходить на работу в трикотажно-машиностроительском доме три мастерицы: швейная, ткацкая, проточная, — в которых девочки, освоива мастерство, работают по два часа в сутки! Она не отходит от Риты ни на шаг, словно бывая ее своим другом. Рита не отказала, она тоже нервничает: ей и самой тяжело расставаться с «трудной» девочкой, которая только ее одну приняла в подруги. Обозначена их расставанием и Светлана Аполлонова. Она не уговаривает Риту, не утешает это бесплодно, — она просто пытается отвлечь ее, чаще устраивая музыкальные вечера, прогулки, игры. Но Светка опять избегает их.

И вот Рите и ее одноклассники выдают в райком комсомольские путевки на ноябрьские каникулы. Среди одноклассников и Светка, и идет, и Светка Рита вылетает от самолета. Рита вылетает, берет Светку за руку и неомодно говорит ей:

— Я тоже решила: ты обязательно поведешь со мной, только не крадучись, а совершенно открыто. Сейчас же пойдем к директору.

Они первыми в кабинет директора детдома и, перебивая друг друга, объясняют ситуацию. Директор спокойно выслушивает и, конечно, говорит «меньше».

Почему же мы сейчас отсутствуем Светлану. Надо здесь классов оклассить! — взрывается она. — Я а не хочу десять классов! — взрывается она. — Я работаю хочу.

— Тогда надо оклассить семь, — невозмутимо отвечает директор.

И все-таки Светка уезжает. Несколько дней и она, и Рита, и Ритины подруги, и даже некоторые преподаватели уговаривают директора доверить «трудную» девочку Рите Коллегиной. Наступает момент, когда Светка вылетает от друга. Чтобы решить этот вопрос, специально собирается заседание. И вот Светке и Рите выдают новые пальто, платья, обувь, деньги на первое время.

— ЕСТЬ в Сибирь, недалеко от Абазы, городок... Потным колымом съезжают вокруг него горы, хмурые по вечерам и добрые, снежно-голубые утром. Близко к городку подступают кедровые рощи, заросли дикой смородины и крыжовника. Чистые, звонкие песни поют горные рожники. В этот городок на строительство рудообогатительного комбината и приезают новоселы. Риту сразу же направляют в бригаду ученико-каменщиков, а Светке говорят: «Мала. Подрасти надо...»

И вот Светка и подрастает, становится в общежитие. Светка смотрит на подругу с неприкрытой завистью. Нет! Пусть ее осуждают, пусть ругают, но она не хочет больше учиться, хочет работать! Ведь ей уже чужды эти отрывки от жизни, в которых Рита — идет в отдел кадров строительства. И опять ей вежливо отказывают. Тогда она поступает в школу ФЗО и через год становится каменщицей. Они работают с Ритой в одной бригаде, строят новые дома. Иногда встречаются после смены в рабочей общежитие усталыми и счастливыми. У Светки теперь коротко острижены волосы, лицо обветренное, загорелое, а бойкие глаза светятся радостью. В рабочей бригаде Светка и Рита — это уже бездельного мальчишке. Ее шутя даже называют по-мальчишески: «Славка».

Но вот фронт работ в Абазе становится меньше, и подругу переводят в шахтерский городок Черногорск.

В Черногорске много хороших парней. Очень много. И большинство из них — знакомые Светки. Держат они с ней поприще — знакомы Светки. При встрече хлопают по плечу, говорят: «Привет, Славка!» Влезают с собой на лыжи, и Светка и Рита, которые уже гордятся, что смотрят они на нее, как на равного. И когда девочки начинают сетовать, что мол, Светка не похожа на девушку, и начинают уговаривать ее купить вместо спортив-

ные брюки нарядные платья, Светка неизменно бранит это единственной словом:

— Мецдики!

Лена — тоже ее товарищ. Он часто заходит в общежитие, и они, пригласив Риту, втроем ходят в кино, а клуб, на городские гулянья. Рита и Светлана тоже общаются с Леной. Светку это раздражает. А потом... Потом Светка вдруг начинает понимать, что Лена ходит не к ней и что к Рите третья в их компании, а она, Светка.

И вот настает для Светки трудные дни. Опять она подругу не может затеять ночью и думать о своем одиночестве. Нет, Рита не переменилась в отношении к ней. Она все так же заботится о Светке, любит ее с нежностью старшей сестры. Но Светка понимает, что Лена устроил им: даже очертить любящие ее по временам выводит замуж... Светка ревнует Риту к Лене. Она пытается найти в нем какие-нибудь плохие стороны, чтобы иметь право высказать Рите свое недовольство из дружбы. Но Лена — очень хороший парень: добрый, честный, прямой и отностис к Рите безупречно. Даже когда та капризничает, начинает показывать свой характер (раньше Светка никогда не замечала этого недостатка, даже тогда Лена является сдержанным и предупредительным). И Светка скрепя сердце соглашается с Ритой, что лучше Лена нет парня среди жителей Черногорска. И сама того не желая, она начинает придумывать присытки, чтобы не пойти к Лене. Ино она выдумывает, в таких случаях Рита возвращается домой поздно. Не зажигая света, раздевается, и ложится спать на Светку одеяло, на окупая спящую. А Светка не спит. Она только притворяется спящей. Она думает о том, что все-таки очень несчастна в жизни.

Часто Светке приходится писать от Светланы Аполлоновой. Добрые, хорошие. Реже — от брата. Письма брата нежные и грустные, и в моменты, когда Светка чувствует, что совсем не пишет ему!.. Но Светка пишет. И даже очень часто. Но письма не попадают к Вите, их уничтожает мать. Да и сама Витя пишет Светке крадучись, в тайне от матери. Он сочувствует Светке, но Светка, живя в Кургане, Витю рассказывает о том, какими красивыми становятся курганские улицы, какое большое строительство ведется в городе и как это будет здорово, если Светка придет строить в Кургане.

Наверное, это эгоистично и не по-дружески, но Светка иначе не может. Когда становится ясно, что Рита и Лена скоро поженятся, она увольняется с работы, увольняет вещи и вновьому признается Рите:

— Я решила... домой ехать. В Курган. Рита не верит. Не хочет верить. Она, конечно, тут же бегит к Лене, и они возвращаются в общежитие, оба обозначенные и недовольные. — Для настроения... Светка сердито говорит Лене. — Расквашивай вещи! Светка сидит на кровати перед опустевшей тумбочкой и прямо повторяет:

— Я решила. Я уеду... домой.

8 * * * Двое парней встречаются в обеденный перерыв у прилавка магазина. Один покупает банку хлеба, другой — бутылку водки. Первый, окосив глаза на бутылку, поднимает:

— А для аппетита!

— Для настроения!

— А у вас в бригаде девочка появилась новенькая... Не выдает!

Второй парень силит пожелтешие от табака губы:

— Через несколько минут бутылка уже унесет по кругу. Бригада каменщиков, чуть ли не в полном составе собравшаяся за штабелями теса, «обедает». Каждый отпивает из горлышка, переводит язык. Очевидно доходит до Светки. Не моргнув глазом, она принимает из рук соседа бутылку, с видом заправского пьяницы отмеривает пальцем уровень, пьет и заедает куском колбасы. Потом так же по кругу идет пачка самовара. Запросто слово курит она и пельменю, Светка берет пачку, прикуривает у соседа. Захмелевшие парни начинают рассказывать анекдоты, и Светка, не краснея, слушает вместе со всеми, хочет над лиськом крепкими выражениями.

Она живет в общежитии треста «Курганжилстрой» шумно и весело. Дружит в основном с парнями, давчат «презирает» и сторонится их. В тресте слышат хорошим каменщиком и развальной, испорченной девочкой. Это мнение ничуть не смущает ее. Кажется, что Светка довольна тем образом жизни, который она ведет.

Но это только лишь кажется. Ни дома, ни семья у нее по-прежнему нет. В воскресенье она ходит в этот дом, но в соседний подъезд, к тете Пеле. Туда прибегает братишка, и они встречаются тайно от матери. В глубине Светкиной души столько горячи, столько боли, что заглушить туда ей и самой страшно. Горечь эта от чувства бескомпромиссного одиночества. Ведь Светке нет еще восемнадцати, ей хочется ласки, заботы, внимания. А она совершенно одна в жизни. Правда, о ней заботится государство: она работает по шесть часов, ей есть где жить, есть на что жить. Но ведь этого совсем недостаточно для полного человеческого счастья! И Светка тянется к парням, с которыми работает, подстраивается к ним и долгое время считает их настоящими друзьями.

Правда, очень свежи воспоминания о другой дружбе, которая облагораживала Светку, удерживала от опрометчивых поступков, заставляла забыть плохие привычки. Но теперь Рита далеко, и ее хорошие письма не могут изменить течения Светкиной жизни. Далеко теперь и детский дом, где осталась Светлана Аполлонова, которая считает дружбу чувством красивым и возвышенным. Конечно, друзья-воспитательницы не разговаривали так, как говорят каменщики со Светкой, перебирая при ней весь «словарный запас»... «Но ведь те интеллигенты,— рассуждает Светка.— А ее, Светкины, друзья» — рабочие парни. Кстати, и Рита, пожалуй,— тоже интеллигентка. Кончила десятилетку, знает много стихов...»

И Светка решает сама для себя, что есть в жизни две нормы поведения: одна для интеллигентов, другая для рабочих.

Ее новые друзья не любят никаких коллективных прогулок, о туристских походах и слышать не хотят. Это огорчает Светку. Они отказываются от Светки, если она предлагает сходить в театр, книгу не читают. Они только работают, спят и пьют... Но они хорошие парни, Светка за это ручается! И раз уж она им друг, то тоже не ходит в театр и очень редко берет в библиотеке книги.

Иногда совершенно неожиданно, со дня Светкиной души, откуда-то из-под тяжести горы и одиночества, поднимается светлый и могучий прибор музыки. Она прислушивается и недоумевает: как так? Не по радио, не на улице, а где-то в самой себе слышит она музыку. И наконец понимает: это музыка, которую сохранила память. Это «Полонез» Огюстского... И она старается заглушить в себе воспоминания о детстве.

Совершенно случайно она попадает однажды во время перерыва в бригаду штукатуров. Заходит к ним «просто так», потому что злитесь на своих ребят и не хочет с ними обидеться. А злитесь справедливо... Генка сегодня до того плохо работает, что ей все время хочется подойти и треснуть его. Навалил раствора больше чем надо, размажет, а он растекается, свисает по стене и застывает отвратительными потоками. Светка смотрела-смотрела на все это, не выдержала, подошла.

— Гад ты, Генка, больше никто! Смотри, стена у тебя будто соплими обвешана. Ведь это глаза пакости! А кроме того, раствору в два раза больше извело.

— Иди ты знаешь, куда!— вяло огрызнулся Генка.

— А чтоб у тебя лапы пообвалились!— взвилась Светка.— Неужели не стыдно! Я девчонка, и то...

— Какая ты, к черту, девчонка!— осканлился Генка.

— Что за шум, а драки нет?— вскрикнул подошедший к ним Колька.— Оставь-ка Генку-то. Он не твой, в мой подсобник. Катись отсюда! Светка еще раз взглянула на стену и испуганно ахнула руками.

— Господи! Да ведь вы «кузов» сделали!

— Где это? — нахмурился Колька.

Стена действительно выпирала бутром. Это означало, что ее «завалили», или, говоря

Люба Ефремова готовит сложный раствор.

С хорошим настроением приступает к работе Агриппина Васильева.

Шестнадцатилетний Григорий Артамонов в бригаде вроде заюза: он заведует материалами, инструментом, спецодеждой.

С уважением говорят товарищи о славной девушке Валентине Левоновой.

Нина Спиридонова за отделкой комнаты.

— Бригада у нас дружная,— завывает Лида Гаврилова.— Один за всех, и все за одного!

зьяном каменищником из Светкиной бригады, сделал «музу».

— Ломать же придется, переключайся! Эх, вую тебе в гробу, гад ты проклятый!

Светка кричала теперь на Кольку. Колька подошел к ней совсем близко, будто хотел ударить, и тут Светка почувствовала, что от него пахнет водкой. Подождал и Генка. От него тоже пахло водкой. Светке вдруг стало до измерения приятно. Она резко повернулась и ушла, не сказав больше ни слова.

Наступил час обеденного перерыва, и, чтобы не встречаться с ней в Генкой, ни в Колькой, они спустились в шутурму.

Девчата-штурмуеры сидят в маленькой теплой «курникле». Впрочем, «курника» — название условное. Как раз эсли кто закурит, того выпроживают из «курники». В этой коммунальной штуртуре греются, обедают, совещаются. Светка открывает дверь, когда «курника» уже полна народу. Девчата шикуют на нее, но, потеснившись, уступают место на опрокинутом ящике. Все они держат на коленях сумки или свертки, достают оттуда булки, бутерброды, бутылки с молоком. Обедают... Светка достает из кармана кусок хлеба, пригрозив конфет, наливает из бачки воду в поллитровую банку. Пока она возится, все почему-то с интересом поглядывают в ее сторону, а когда успокаивается, бригадир штуртуров Петр Тимофеевич Белоусов говорит:

— Ну, что вы, продолжайте... Со смеялкой поднимается незнакомая Светке девушка, аккуртаненская, чистенькая, одетая не в сподожку и не в ватник. «Интеллигентка», — решает Светка с и неприязню ее разглядывает.

Девушка раскрывает газету, пробегает глазами по строчкам и, улыбувшись, спрашивает: — Дальше в вам своими словами рассказую. Моно?

И она рассказывает о чем-то совершенно неизвестном Светке. Будто... теперь там же работала бригады, которые одинаково борются и за производительность труда и за культуру. Что в этих бригадах считают: понимать и любить музыку — это так же важно, как важно понимать и любить свой станок.

Светка слушает чистенькую девушку с недоверием и недоумением: почему остальные так выматывают к ее рассказу? А девушка говорит еще и о том, что в бригадах этих люди и трудятся и живут по принципу: «Один за все, все за одного».

— Как у нас врод... — доображает Светка... Врод... даже стр трамво не выподет... И тут же вспоминает сегодняшний инцидент, ударит брови: — Нет, не как у нас...

А девушка будто подслушивает Светкины мысли, уточняет:

— Есть люди, которые понимают этот принцип совершенно, все равно что призы к митинговому поруке: один сделал подлость — десять его друзей молчат, а то еще защищают и оправдывают. Даже если в душе сами осуждают товарища. И гордятся таким поведением. Друго, мол, защищают. Но это гниль и пакость! То же как настоящие люди жестко борются.

Обеденный перерыв подходит к концу, а у девчат так и застыли в руках несъеденные булки и бутылки с недолитым молоком.

— У нас в Кургане будто бригады коммунистического труда... будто рздумывает вслух чистенькая девушка... На машиностроительном уже соревнование объявили: между бригадами борьба за это высокое звание началась.

Когда девушка уходит, Светка спрашивает, кто она. Оказывается, секретаре комитета комсомола треста Тамара Киселева. Светка недоброе улыбается:

— Понитно... Чистенькая... В кабинете сидит! — Ну гад! — возмражает ей Зоя Алексеевна... Тамара с нами на одном доме работала. Майяром. Она после детского класса по колхозной путевке на строительство пришла.

Штуртуреры расходятся по своим рабочим местам. Светка нехота идет в свою бригаду. И опыт с ней начинает происходить что-то непонятное. Начинает казаться, будто уж не так они ей друзья, эти парни из бригады каменищников. И не так уж они и ней хорошо относятся... Светка реже и реже остается

обежать с ними. Уходит к штуртурерам в «курнику» и обязательно застает там что-нибудь новое. То Петр Тимофеевич девчатом с смежных профессионах рассказывает, то все вокруг нового номера стенгазеты соберутся, а то никому коллективно читают. Светка садится на ящик возле двери и слушает.

В отличие от Светкиной в этой бригаде один девчат. Только бригадиром — Петр Тимофеевич... Впрочем, есть еще один мужчина. Вернее, не мужчина, а совсем мальчик. Гоша Артамонов. Ему недавно исполнилось шестнадцать лет. Он у девчат в бригаде врод автотранспорта: материална заведует, инструментом. А девчат — двадцать семь. Все разные, все с характером, но между собой почему-то не ругаются. Чуть что — собираются в «курнику» и обо всем судят, спорят, решают сообща. Стенгазета у них выходит яркая, красная — сам Петр Тимофеевич оформляет. А он художник. И в каждом номере газеты раздел: «Как красиво одеться». Разные фасоны рисуют,

улице слышно: девчат поют! И не как-нибудь, а очень хорошо поют. Светка входит и заслушивается. Нина Спиридонова и Вера Леонова запевает на два голоса песню о Сибирь. Прием подхватывает все, и льется эта песня, ровная и широкая, как сама Сибирь.

Девчата поют и при этом бойко работают мастерными, шаблонами, затранот потюлки, тунт карнизы, ровняют оконные и дверные откосы. Светка стоит, слушает и незаметно уходит к себе.

Приближается Новый год. Светкины соседки по объективно шют маскарденые костюмы, парни из ее бригады, лукаво подмигивая, потирают руки: «Эх, выпьем! Сам бог велел...» А штуртуреры из бригады Белоусова тревожно совещаются: «Успеем ли! Ведь как бы хорошо сдать дом к первому январю...» Светка с интересом рассматривает маскарденые костюмы, весело принимает приглашение парней выпить и веселиться, но самое важное для нее сейчас не бал-маскард и не праздничное

Кончилась смена, бригада усаживается в машину...

и пишутся объяснения к ним. Это кажется Светке совсем странным. Какое отношение может иметь фасон платья к текущим делам бригады, о которых говорится в газете!

А однажды Светка застает в «курникле» совсем необычное. В центре комнаты стоит симушная, раскрасневшаяся Нина Спиридонова и, держа в руках свертки, растерянно проносит:

— Ой, ну что это вы! Заемч! Спасибо... Большое спасибо!

Девчата вокруг нее шумят, аплодируют, подбагают целовать. Светка догадывается, что у Нины день рождения, и тоже подходит, поздравляет, целует ее в щечку.

Вырвавшись из объятий друзей, Нина убегает и возвращается с огромным кулком конфет.

Девочки, угодитеесь!

Светка весело и как-то очень хорошо в этой большой, дружной компании. Хорошо и вместе с тем грустно. А грустно оттого, что все эти девчата не ее друзья. Светка невольно вспоминает как часто случается, когда все-все, и знакомые, и родные, и даже она сама, забывают о ее, Светкином, дне рождения. А в бригаде штуртуров не забывают ни одного такого дня. Заранее покупают подарки, выбирать их бегают в магазин чуть ли не всей бригадой. Прежде Светка смотрела на мальцов и штуртуреров несколько свысока. Считала: самый главный человек на стройке — каменищик. И всегда старался подчеркнуть это превосходство. И если бы в строительной школе ее не приняли в группу каменищников, она ни за что — ни да за что на свете! — не согласилась бы учиться на мальца или штуртурера. И вдруг теперь она ловит себя на мысли, что ее интересует работа в штуртурной бригаде.

Светка иногда даже выгадывает время, чтобы свегать к Белоусовцам в рабочие часы. Задержит, например, подолз кипичник, каменищники просят, и Светка мчится к штуртурерам. Прибегает туда и удивляется. Даже на

застопе. Главное, чтобы Белоусовцы успели... Она приходит в на бригаду, даже когда не совпадают сроки. Смотрит, как девчата работают, берет инструменты, пробует работать сама. Радуется, если у нее получается, и очень переживает неудачи. Девчата, не принимавшие прежде всерьез ее интерес к штуртурному делу, теперь охотно все объясняют и показывают. Зоя Алексеевна поти затират откосы, Шура Михайлина берет в помощницы готовить раствор, Маша Гукова показывает всевозможные шаблоны карнизов. Накануне Нового года бригада работает очень напряженно, но по-прежнему весело, с песнями. К новогоднему балу Белоусовцы тоже подготовились, и Светка знает даже, какие у девчат костюмы.

По эти костюмам она и пытается размыслить штуртуров в праздничной сутонине новогоднего маскарда. Грамит музыка, шуршит серпантин, молодежь танцует вокруг нарядной елки. Светка чуть не каждому заглядывает в лицо, но никого из Белоусовцев не находит. И только в разгар вечера руководитель клубной самостоятельности говорит ей, недоуменно пожимая плечами:

— Знаете, а они ведь так и не придут... Сказали по телефону, что пусковой объект закончат. Просили их номера из концертной программы вычеркнуть.

Светка становится грустно и одиноко на этом веселом и шумном вечере. Она отмизливается от знакомых, отказывается от приглашения к танцам. Озлабляется, когда парни пытаются заставить ее в буфет и угостить вином. Вырвавшись от них, называет парней «пыльщиками» и «плодомышью». Ей очень обидно, что Белоусовцы нет здесь. А еще обиднее, что сама она сейчас не с ними, но на пусковом объекте. И Светка уходит с вечера, не дождавшись конца, немонимо расстроенная и в то же время гордая за Белоусовцев.

Начальник УНР-4 возмражает Светке завлечение и твердо говорит:

— Нет. Эта бригада передовая, особенная... Не могу перейти к вас туда.

Светка резко поворачивается, выбегает из кабинета. А в обеденный перерыв, стоя посреди тесной шукрилки, громко, взволнованно говорит дежачкам:

— Кто вы... вместе с вами! Понимаете!

Голос у Светки дрожит, руки не находят себе места.

— Вы все знаете, какая я. Грубая... пила... курела... Но я хочу... жить праведно. Помогите мне... примите в свои ряды... Чего мне опускаться на перевернутый аверс дном зык и закрывать лад руками. В шукрилке становится тихо-тихо... А потом Петр Тимофеевич очень спокойно спрашивает дежачк:

— Что мы ответим Савелану?

И опять становится тихо-тихо, и Светка еще ниже опускает голову.

Наконец в дальнем углу слышится сдержанный шепот, потом кто-то говорит вполголоса, кто-то начинает громко спорить.

— Принять!

— Руку подать, если просит!

— Работник она отличный, а под человек...

— Что человеку? Ей еще восемнадцатки нет!

«Человек» только и слышит, как в шукрилке опять шумят. И вдруг слышит, как она в себя бригаду опомнит... Сперва пусть исправится...

— А вы знаете, а ей верой! Все равно что самой себе верой!

Последняя фраза перебивает все остальные. Перебивает Савелану душу, заливает ихородящим ураном все широкое вслушное лицо. Кто это сказал? Зо Александровский? А может быть, Шура Михайлан? Или Маша Холлова? Или Галт? Светка поднимает глаза и скрывается взглядом сразу с десятками веселых и добрых глаз.

— Так как же решишь? — спрашивает Петр Тимофеевич, и все начинают кричать:

— Принять! Верим ей! Пусть завалены шукрилки!

— Я написала... поднимается с ащика Светка... Только начальник не взял. Отказал.

Тогда чуть не все тридцать человек идут к начальнику и уговаривают его перевести каменичку Савелану Дедову в бригаду шуктуров.

Светка набрасывается на новую работу с жаждой. Она оказывается терпеливой и способной ученицей. А знания, приобретенные ею во время работы каменичкой, приносит бригаде пользу шуктурно.

Иногда Светка вспоминает о бригаде, из которой вышла. Вспоминает без сожаления, но почему-то с чувством вины перед ребятами. Будто сама она выбралась из крошечной тьмы, пришла к свету, и оставила... Она собирает-ся пойти к ним и поговорить начистоту, откровенно. Сказать, почему ушла... И когда наконец приходит к каменичкам, застает там другую бригаду.

— А где жет? — озирается она по сторонам.

— Сами пойдете — саданете спрашивать... Будет деважка-подсобица! — Так их пятый день нет. Каменички две передовые бригады к себе пригласили. Вот они и перешли. Теперь на другом объекте работают. А бригадари снажи. За пылью...

— Вот и коряжи! — думает Светка. — Очень хорошо, что передовые бригады к себе пригласили... Ребята-то ведь они стоящие! Отличные каменички!

Она горюет в обещанье. Там после ухаживания собирается на релетицию все Белоусовская бригада. Светка быстро идет по улице. В лицо дышит свежий ветер, рвет с головы ушанку, колодит раскрасневшее лицо.

— Шура, неверное, уже дома... Чая согреть... Также собирает на релетицию. Или нет, у нее сегодня комсомольское собрание!

Светка замедляет шаги и дальше идет неторопливо, думая свою сокровенную думу. Она очень хочет вступить в комсомол. Размышляет о том, что все время, но никому не говорит. Потому что боится: посмотрят на нее с недоверием, а это еще и наmeshливо, и скажут: «Сиди уж ты! Говори спасибо, что в бригаду-то взяли... Но стоять в стороне от комсомольской жизни Светка теперь никак не может!»

Шура Михайланов на самом деле нет дома. Она приходит поздно, когда Светка уже вернулась с релетиции. Пьет согретый Светкой чай и на ее рассказы отвечает уклончиво.

— О делах своих на собранных говоришь.

— О разном...

— Не доверяешь! — настаивает Светка. — А ведь я... Мне тоже очень хочется стать комсомолькой.

Шура Михайланов на Светку внимательно и строго глядит. Но Светка не отводит глаз.

— Очень... Очень хочу. Все время об этом думаю.

Шура отодвигает недоличный чай.

— Или ты это серьезно, пойди к Маше Холловой, она комсорг участка. Анкету у нее попроси...

Светка вскакивает со стула.

— Ты куда?

— К Маше.

— Но туда ведь поздно...

— До завтра ждать долго... услышим голосом говорит Светка.

— Ну, идите. Извинись только. Ведь одиночество...

Маша встречает негрителливо.

— В комсомол хочешь вступить?

И так же сухо отвечает:

— Нет у меня анкетных бланков. Кончались.

— Маша — бледнеет Светка. — Мне обязательно нужна секретарка комитета треста пойду, к Тамаре Киселевой.

— Успокойся, — говорит Маша и продолжает смотреть на Светку недообрительно. — Почему ты именно сейчас, ночью! Разве другого времени нет?

— Я уже давно... Очень давно об этом думаю! А сейчас сейчас... чуть не плачет Светка.

— Маша недоверливо качает головой и упрямо повторяет:

— Нет у меня бланков. Кончались.

— Светка решительно встает со стула и выходит, плотно притворяет за собою дверь. Но дверь тут же распахивается, и Маша танет Светку.

— Пернись! Расскажи мне... Почему все-таки в комсомол надумала!

Светка возвращается и долго рассказывает Маше почему. Когда часы показывают уже далеко за полночь, Маша достает из кингчи чистую анкету, подает Светке.

— Заполнишь.

А когда Светка заканчивает писать заявление, сама выводит в графе «рекомендуемое» свою фамилию, проставляет номер своего комсомольского билета. Вторую рекомендацию дает Шура Михайланов.

Теперь Светка ждет общего комсомольского собрания. Идет с нетерпением и беспокойством. Иногда ее овладевает меланхолия, и она готова вернуть Маше Холловой записанную анкету. Она не очень уверена, что ее примут. Потому что... Ну что она в жизни сделала! Ничего... Только вот нашла наконец друзей. Маша с вами... Нестоящую. И сама она теперь стала другой.

Конечно, этого никому не докажешь... Но она-то хорошо знает, что на душе стало чисто-чисто и больше всего на свете хочется ей стать хорошим человеком. А для этого необходимо — совершенно необходимо — быть с комсомолом. Светка ждет собрания, как большого экзамена, на котором будет проверяться доверие к ней огромного комсомольского коллектива треста. И еще это собрание znamená вопрос о присуждении звания бригады коммунистического труда. Есть два претендента: бригада Петра Белоусова и бригада Любы Боевой, тоже шуктурная.

На собрание съезжаются прямо со строя. В зале полно, и члеником зала наполнены парнями и девушками, одетыми в комбинезоны и телогрейки. Обстановка деловая, рабочая. Светка смотрит на сцену, видит там за столом президиума Тамару Киселеву и толкает локтем Шуру Михайланову.

— А я ведь о ней думала: «чистенькая»... из конторы! — Светка говорит растерянно и тут же краснеет за свои слова.

Это же постоянное разделение всех людей на члеником и члеником теперь злит ее. Тем более, что люди, с которыми Светка дружит, с которыми она вместе работает, не подходят под эти примитивные вербы. Вот хотя бы Петр Тимофеевич Белоусов... Специальность у него рямовая, а знаниями, эрудицией, мане-

рами бригадир шуктуров не уступит интеллигенту. Или девчата из бригады... Учатся, много читают, любят театр, умеют со вкусом одеться, понимают музыку... По культурному уровню их, пожалуй, не отличить от студентов любого вуза. Только вот по духу... Руки грубые.

Пока она размышляет, на сцену выходит Ольга Колосова — представительница бригады Боевой. Не отрывая глаз от бумажки, сбивая и бездумно повторяя слова, она рассказывает о работе Белоусовцев. В зале шепот, но постепенно смолкают, начинают прислушиваться, и Светка улавливает отдельные фразы, понимает по ним, что Ольга пытается умянить заслуги ее бригады. И тут же слышит возмущенное бурное:

— Убери бумажку! Шпаргалку спрячь!... Ольга на мгновение отрывает глаза от бумажки, но тут же терзается и под неодобрительный гул собрания уходит на место. Тогда неизменно для самой себя вскрикивает Светка. Не выходя на сцену, прямо с места она говорит о своей бригаде:

— Вот Ольга сказала: «... такая же бригада, как все». Нет! Не такая же!

И, изнемогая, она переносит все пережитое, тесно и дружно, как хорошая семья. Она вспоминает, как встретила бригада на пуском объекте новгородной ночью. Светка говорит о том, как каждый член бригады перед ней не собрание, а узкий круг очень близких людей. Она понимает, что, может быть, не совсем угодно так восторженно говорить о бригаде, в которой работает. Но ведь это правда! Семья Белоусовцев — самая замечательная из всех, какие встречались ей в жизни. И она счастлива, что ее приняли в эту семью.

Светка садится на место, и весь зал дружно, громко аплодирует ей. А вернее, не ей, а ее бригаде. Светка чувствует на себе возмущенные истинные обязательства бригад, борющихся за звание коллектива коммунистического труда, оглашает итоги проверки. Все обязательства бригады Петра Белоусова выполняет отлично. Норма выработки на каждого члена бригады доведена до ста семидесяти пяти процентов. За последний месяц не трое, как предполагалось, а четверо шуктуров повысили производственные разряды. Не на семь, а на пятьдесят пять процентов. Материальное стимулирование внедрено рационализаторское предложение. Члены бригады участв в вечерних школах и на курсах подготовки для поступления в институт. Занимаются в спортивных секциях, в политехнических и художественных кружках. Они воспитывают в себе хороший вкус, верны и трогательно дружат, отзывчивы, внимательны друг к другу.

Так или примерно так говорит член штаба, выступившая в бригаду Боевой. После его огласно присуждают звание коллектива коммунистического труда бригаде Петра Белоусова. Долго гремят аплодисменты, долго приветствуются и поздравления. Но вот Тамара Киселева переходит ко второму вопросу повестки дня.

— Прием в комсомол. Заявление Светлана Дедовой...

По залу проносится удивленный шепот, и вдруг становится невероятно тихо и напряженно. Совсем как тогда в «шукрилке». Светка мгновенно вспоминает все плохое и трудное, через что прошла в своей небольшой жизни. Ей просит рассказать о себе, о своей бригаде, о своем рабочем, о коренной биографии. В ответ собирает молчание, и молчание это становится тягостным. Тогда наконец берет слово Маша Холлова. У Светки часто-часто колотится сердце и громко отбивается в виски. Она почти слышит, что говорит Маша, и только отдельные фразы долетают до сознания, отдаются в тревожном сердце.

— Бригада за нее рвется, — горячо говорит Маша. — Мы верим... Ты слышишь? Мы тебе верим!

Светка поднимает глаза. Они полны благодарности и блещут от подступивших счастливых слез. Потом говорит тихо и ясно, но громко. Не вся голосуя... Не только слышит, что говорит Маша, но и слышит большинство, а большинство — огромное большинство! — верит Светке.

Здесь, в городе юности, молодо все: дома, скверы, фонтаны, площади...

ГОРОД ЮНОСТИ

Каждое воскресенье молодые строители отправляются в туристские походы.

Фото Г. Дубинского.

Случалось ли вам бывать в заволокской степи весной? Куда ни бросишь взгляд — сухая, щетинистая трава, и нет конца и края этому однообразию. Но вдруг за пригорком открывается взору невиданная красота. Кажется, степь собралась здесь всю свою влагу и щедро наполнила ею алые, желтые, лиловые тюльпаны...

Таких цветков распустились на левом берегу великой реки город Волжский.

По-разному строятся новые города. Нередко на месте будущих кварталов ставят вначале временные, деревянные бараки и только значительно позже возводят большие, благоустроенные дома. И долго еще по соседству с прекрасными зданиями, клубами и парками ютятся промоченные дождями, посеребрившие «аремьями».

Не так создавался город Волжский. С первых же дней здесь начали строить надолго, навечно. По соседству с брезентовыми палатками люди закладывали фундаменты зданий, высаживали клены, разбивали парки и скверы.

Отговсю приезжала на Волгу молодежь. Здесь, рядом с легендарным Сталинградом, начиналось сооружение одной из крупнейших в стране гидроэлектростанций. Комсомол посылал сюда лучших, достойных, не боящихся трудностей юношей и девушек. Для многих из них стройка явилась первой жизненной школой, где учились они главному — труду. И вместе с первыми кубомет-

рами земли, выбранной из котлованов Сталинградской ГЭС, экскаваторы выбрали первые ковши грунта на строительной площадке нового города гидростроителей — Волжского.

По комсомольской путевке приехала из Ленинграда Надежда Конева. У нее не было строительной профессии, и сначала ей пришлось быть разнорабочей. Вскоре девушка взяла в руки мастерок штукатурки. А когда в городе открылся вечерний техникум, Конева взялась за книги. Работа в строительной бригаде помогла раскрыть тайны самых трудных разделов учебников, а занятия в техникуме способствовали успешной работе. И значит, отлично освоила профессию штукатурка Надежда Конева, если правительством наградили ее орденом «Знак Почета». Успешно защитив диплом, Надежда стала работать мастером на строительстве домов.

Светлана Кузьмина прибыла на стройку вместе с мужем Владимиром. На Кузбшевской ГЭС Владимир был одним из лучших краповщиков; здесь он стал машинистом портального крана. Светлана приехала «домохозяйкой». Но разве можно было оставаться в стороне, когда вокруг разворачивалась такая битва! Она решила работать на стройке. Было немало споров, но Светлана настояла на своем. Застенчивая на вид девушка начала командовать разгрузкой бетона. По вечерам она слушала своеобразные лекции мужа о работе крана, читала учебники. Через несколько месяцев Светлана получила права помщицы машиниста и начала работать на одном кране с мужем. Вдвоём они уложили тысячу кубометров бетона, подали монтажникам сотни тонн металлоконструкций...

О каждом из строителей можно написать немало. Это были бы рассказы о трудовом героизме, мужестве, о преодолении трудностей и неспяиваемой воле.

Однажды в ночную смену случилась беда: перевезая через опалубку, с большой высоты сорвался элваторщик Юрий Медков. С переломом позвоночника парня доставили в больницу. После операции он послал товарищам записку с просьбой привезти ему учебники: «Борюсь, как бы не отстать от занятий...» Его выписали из больницы через несколько месяцев. Медкову назначили хоро-

Этот снимок сделан в загсе. Друзья горячо поздравляют молодоженов Галло и Михаила Кунциных.

Просторные, уютные столовые — в каждом квартале Волжского.

шую пенсию, уговаривали уехать отдохнуть, но парень продолжал посещать техникум, делал чертежи, решал задачи, готовился к семинарам. Он добился своего: в 1959 году Юрий Медков закончил энергетической техникум.

Пять лет — возраст молодого города. За это время здесь не только росли дома и улицы, переделывалась природа, но и задалась юность.

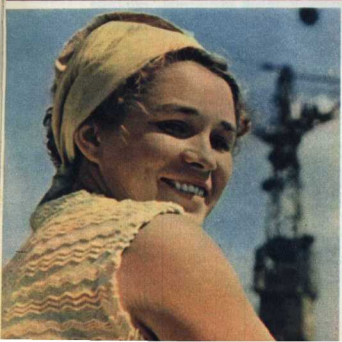
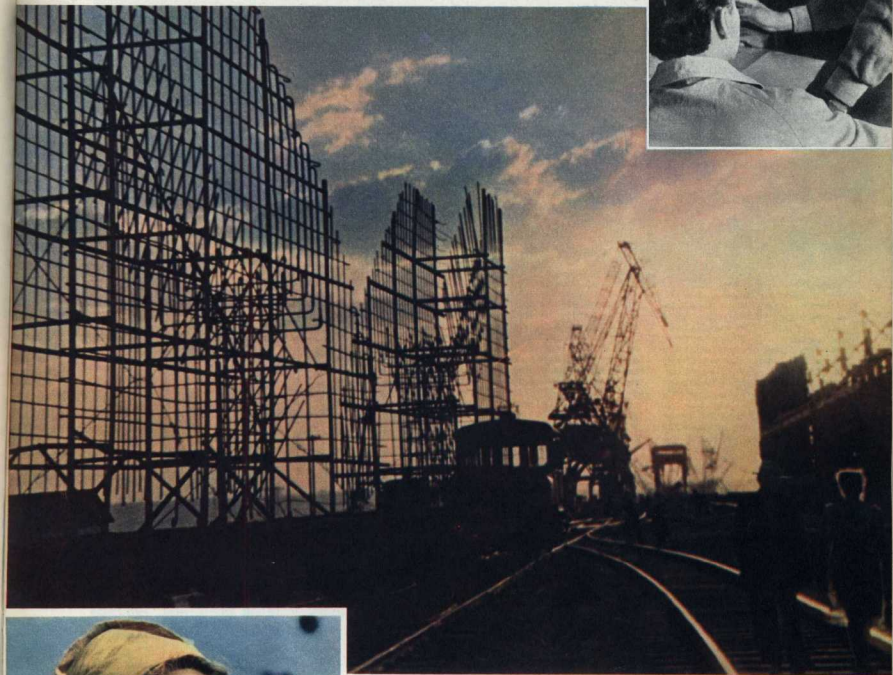
В новом городе все говорит о молодости и красоте. Даже названия улиц: Театральная, Комсомольская, Фонтанная, Шлюзовая...

В городе построено 14 школ, столько же кинотеатров, около 30 детских садов и яслей, 15 библиотек, 14 столовых. Здесь отличная гидрометеобсерватория, зимний плавательный бассейн, стадион на 10 тысяч мест, Дворец культуры, где занимается в кружках более полутора тысяч человек. Только в прошлом году в Волжском введено в эксплуатацию 56 тысяч квадратных метров жилой площади, открыты 2 новые школы, широкоэкранный кинотеатр, построено здание общественных организаций. В городе, кото-

рый вырос в степи, посажено 15 тысяч деревьев, 50 тысяч кустарников, в городской оранжерее выращено 5 миллионов цветочных рассады.

Со всех концов света съезжаются в Волжский гости. Бывали дни, когда на стройплощадках находились одновременно гости из 60 стран!

В первом году семилетки строителям предстоит решить две большие задачи: обеспечить пуск 9 агрегатов Сталинградской ГЭС и развернуть на полную мощь сооружение промышленных пред-

На снимках (сверху вниз):

У комсомольского штаба немало дел: он контролирует новостройки города. На каждом заседании начальники штаба Игорь Москвитин (справа) ставит перед товарищами боевые задачи.

Вечером... На фоне неба четко вырисовываются ажурные плетения арматуры, башни и стрелы кранов на площадке ГЭС.

— Приезжайте в Волжский: работы у нас непочтуй край! — говорит Рудина Сысова, одна из лучших наемщиц на строительстве абразивного завода.

приятый. За семилетку Волжский станет крупным промышленным центром. На заводах и фабриках города ежегодно будет выпускаться продукции на 5 миллиардов рублей. Уже сейчас многие бригады строителей перешли на сооружение новых объектов. Полным ходом идет строительство Волжского абразивного завода — первенца семилетки в юном городе. Начались геодезические работы на площадке будущего

Болеельщики в восторге: футболисты Волжского отыграли счет!

шарикоподшипникового завода. Для новой стройки требуются новые специалисты. Бывшие гидростроители, выполняя священную заповедь о непрерывном повышении общеобразовательного уровня и совершенствовании деловой квалификации, настойчиво овладевают смежными профессиями. Бетонщики из бригады Анатолия Варуха стали каменщиками. Их примеру последовали двучата из бригады Марии Парашук.

Свидетельством того, как молодые строители Волжского делами отвечают на решения XXI съезда КПСС, служит замечательный почин Виктора Кузнецова. Его комсомольско-молодежная брига-

да выступила с обращением ко всему коллективу «Сталинградгидростроя». «Нас взволновали слова Н. С. Хрущева на XXI съезде партии о том, что каждый трудящийся должен лучше использовать технику, внедрять передовые методы труда,— заявили члены бригады.— Посоветовавшись и взвесив свои возможности, наша бригада решила взять на себя следующие обязательства: бороться за создание фонда семилетки — сэкономить миллион рублей, в том числе в 1959 году — сто пятьдесят тысяч рублей; каждому члену бригады стать рационализатором и за счет бережного отношения к материалам и внедрения рационализаторских предло-

Во Дворце спорта и услугах кружковца 140 комнат. Сегодня в одной из них занимается юные художники.

— Покоряют Волгу не только гидростроители, но и водолазы... смеется комсомолец-досафовец Георгий Рыбкин.

жений экономить ежегодно государству по десять тысяч рублей; на любых объектах работы применять только передовые методы труда, использовать в своей бригаде все лучшее, новое, что имеется в организации труда на нашей и других стройках; постоянно работать над внедрением и совершенствованием малой механизации».

Комсомольцы — шефы новостроек Волжского. Они взяли под контроль все строительные-монтажные работы, обеспечивающие пуск новых агрегатов. Создан центральный комсомольский пост, который стал боевым штабом

новостроек. Задача штаба — контролировать выполнение плана строительства объектов, следить за тем, чтобы вовремя поступал сборный железобетон, полнее использовались механизмы, лучше был организован труд.

Биография города, созданного молодежью, только началась. Расправляют ветви молодые деревья на улицах; вырывают котлованы под фундаменты новых зданий и цехов, уходит в степь экскаваторы.

Все дальше шагает город юности!

Л. ОВЧИННИКОВА,
Э. АКИМОВА

БЕРЕГА ГОРЯЧИЕ, ДЕСЯТКИ ЛОЖОШИЕ

ХЛЫНЕТ ПОТОКОМ УГОЛЬ

В степи под Карагадией, километрах в шестидесяти от города, протекает речушка Тентек. Зимой ее без особого труда заметают бураны, а летом она высыхает так, что о существовании реки напоминают лишь тучи комаров. И только весной...

О том, какой бывает Тентек весной, рассказывает старинная легенда. Как-то раз в давние времена богатый бабь расписнул на берегах реки станокоче. Пришла весна. Река широко разлилась по привольной степи и размела юрты. Никто не ожидал, что небожаря речушка может доставить столько хлопот. Тогда-то казахи и дали ей имя «Тентек» — «Шалунья».

Еще несколько лет назад мало кто знал о Тентеке: ведь не на каждую карту было нанесено ее извилистое русло, а сейчас о ней пишут в газетах, говорят в радиопередачах, сообщают в официальных документах.

На берегах Тентека обнаружено богатейшее месторождение консурических углей — несколько миллиардов тонн! Это нестоящая подземная кладовая.

Наступление на эту целину началось в минувшем году. Тогда коллектив Тентекского шахтостроительного управления насчитывал всего девять человек. Люди поставили палатку, разместили места будущих столов, ябани и за дело принялись со скромной табличкой: «Шахта № 1 Тентекская-наклонная».

Среди девяти был и комсомолец-проходчик Геннадий Моржов. Понял он, что на берегах Тентека — неплохой край для работы, поехал на Урал, в родной Копейск, и вернулся с женой в Ка-

захстан навсегда. Привез свою семью и Александр Асташев, а Василий Турчик, уехав на несколько недель домой, возвратился с целой бригадой проходчиков.

Пришла на стройку первая весна, и Шалунья показала свой характер. Солончаковая почва раскисла, превратилась в цепкую топь. В грязи застревали не только люди, но и машины.

Казаюсь, не выдержат строители, мамзут на ее руки и подадутся в обетованные края... Но не такими были Геннадий Моржов, Василий Турчик, Александр Асташев, Ахмед Махьянов и их многочисленные друзья, чтобы отступить. Ни на сутки не прерывалась работа. Каждый день слесари наращивали длину транспортера: забой уходил в глубь земли.

А летом по степи протянулись линии железной и шоссейной дорог. Прямо под открытым небом монтировался мощный компрессор: решили не ждать, когда будет построено здание, потому что нужен был воздух для отбойных молотков.

На стороковом метре бригады Василия Турчика вскрыла угольный пласт. Это была первая победа. Проложили поклажи нагорь образцы замечательного коксующегося угля...

Пройдет несколько месяцев — и поток угля хлынет с берегов Тентека к коксовым батареям Казахстанской Магнитки. Скоро там выйдут первый кокс, выплавят первый чугун. Так будет: об этом записано в решениях XXI съезда партии!

К. СЕГИН
Карагадинская область.

ся: если монтажники задержатся, то и продолжим мы миновать лопачи грабли...

— Кармалка ушел, а Николай глянул на верхушку каркаса и замер: она покочулась. «А может быть, покочулась!» Но с другой стороны столы, задваго голов, Эдик Моженов, Иван Попадин, Василий Косточенко, Казимир Орловский. «Покочулась», — решил Николай и победил к лебедке.

— Трос! — прокричал он ребятам. — Полезу закреплять...

Они поняли его, как всегда, с полуслова. Один из тросов, андрюха, плохо закрепленный: наверху сорвался. На упав яндрю, он зацепился где-то между балками. Второй не мог тогда удерживать стальную яндрю, и она протосот голова была рунуть всей тяжестью небож.

— Почекай, бригадир, я зара,

— Я тебе почекаю! — сватил его за плечо Николай. — А ну, назади!

Николай забирался по лестнице сравнительно легко, но до сдерживающего бужок, где настраивать тросы, становился не мог. Отдохнув немного, он вдруг почувствовал противное до тошноты покачивание.

Вот-то еще немало томительных минут, пока Николай подтягивал и закреплял трос. Уже внизу он слез, тяжело дыша, и мамзут в сторону лебедки:

— Готово, бригадир! — крикнул сварщик, прервав воспоминания

Козлова. — Работай тут на чужих, а тебе и спасибо не скажут!

— Спасибо, дружище... Эй, там, внизу, вирай! Загудела лебедка. Скригнула блочка, и шина поплыл вверх. Устанавливать его начал Казимир Орловский. Николай закричал, но, глянув на Орловского, бросил папиросу.

— Что там!

— Болты капризничают.

— Давай поминку.

Однако и явдвом они долго не могли посадить балки на место. Казимир мешал рукамвечи. Он сжал их и сузил в корман телегорейки. Наконец балки встали...

В этот же день монтажники поставили вторую шину. Когда спустился с копра, к ним пошел директор Кармалка. На лице его была довольная улыбка. Он по очереди пожал всем руки, приговора: «Вот это да, это поштарский! Ну и монтажники! Досрочно закончили...»

— А мы всегда так,— усмехнулся Иван Попадин.

— За монтажниками дело не станет! — весело проговорил Эдик Мижиков.

И лишь Орловский промолчал, закусив губы. Рука его дрожнула в жингости, сильной руке Дмитрия Кармалкина. У Казимира почти все, как с ладони припринела в заморашку металлу шина и осталась там, на верхушке копра...

Е. ТЕРЕКОВ
г. Сталино.

НА ТИХОМ ДОНУ

Кагда едешь по дорогам Липецкой области, повсюду видишь огромные, уходящие за горизонт поля, засеянные сахарной свеклой.

Свеклы каждую осень собирают здесь много, но вот перебатывать ее приходится в соседних областях: своего завода в области нет. Вернее, не было.

Сейчас в деревне Большая Поповка, неподалеку от райцентра Лебедянского поднимается корпус крупного сахарного завода. Первая его очередь вступит в строй к 25 декабря.

Новое предприятие комсомольцы района обновили своей ударной стройкой. Только с лебедянского завода здесь работают всего 170 комсомольцев.

Какется, совсем недавно прибыли в Поповку первые строители. Помочу и жуть-то пришлоло по чужим дворам. А как изменился за это время деревня! Выросли стены главного корпуса, появились общежитие, столовая, баня, лавочки.

Многие приобрели на стройке новые специальности. Вот токари с Лебедянского машиностроительного завода Иван Татарников и Алексей Павловский. Они стали отличными арматурщиками. Хорошо

работают только что окончившие Липецкий строительный техникум мастера Анисимов и Васильев. Заправщиком каменичком стал Владимир Золотукин.

Время сейчас горячее — предпусковой период. А жести-анусевать ребята и в футбол поиграть и в Дону поплавать. Как-то раз после работы Алексей Молчанов на бульдозере разорвал площадку для спортивного, а плотник Александр Золотукин сделал штаны и перекачал для ворот. Вот и футбольное поле готово! А на реке ребята выстроили лодочную станцию «Комсомольская».

Когда все это увидели 400 комсомольцев из Лебедяна, приехавшие сюда на воскресник, они своим глазам не поверили!

— Да вы что, ребята! Уж не совсех ли перебрались в Большую Поповку!

— А что, может быть, и насосека!

Разве плохой завод выстроили! Мощный, оборудованный по последнему слову техники.

Многие приехавшие сюда по путевке комсомолы станут сахарниками. Была комсомольская стройка — будет комсомольская стройка — будет комсомольская стройка.

А. ШАЛИН

КОПЕР В СТЕПИ

До боли в пальцах сжимая обледеневшие поручни, бригадир монтажников шахты «Полтавская-Комсомольская № 2» Николай Козлов поднимался по крутой металлической лестнице на площадку копра. Яркая асфальтовая электросварка на миг ослепила его; прикрыв глаза рукавицей, он подошел к сварщику Мишину.

— Мишутку, Андрей!

— Что там? — нетерпеливо спросил Мишин.

— Надо прожечь отверстие в балке.

— У вас же автогенный огонь!

— Кислород на исходе.

— Ладно, — сказал сварщик. — Размечай, где прожечь.

Бригадир обвел взглядом на швеллерную балку несколько кружков. Сухое затрепетало электричество, вспыхнула пламя, запылала

раскаленные голубоватые бригады. Они гасли, не успевая долезть до земли.

Николай следил за мгновенно разождавшимся и умирившимся светлячками, и на душе у него было спокойно.

Он вспомнил, как однажды и его монтажником пришел Дмитрий Кармалка — бригадир проходчиков. Тогда уже были установлены копровые ребра — каркас на расписки, и работа готовилась к работе на высоте. Бешеный ветер, ни на секунду не ослабевав, подмел строительную площадку с такой акуратностью, что на ней не осталось ни палочки. Земля стала похожа на шероховатый бетонный массив.

Кармалка постоял, посмотрел, придержав шапку-ушанку, и, тельно явдуюсь, молча повернул назад. Бригадир беспоякля-

чет взрыв, в стремительный Кизир обрушивается тяжелая каменная лавина. К широкой выемке спешат машины, неторопливо идет экскаватор, бегут люди...

В сосновом бору, насколько пронизанном лучами весеннего солнца, развернулось строительство разьезда Кизир. — Вот сюда в августе прошлого года мы и привезли, — говорит конюгр участка Анатолий Костин. — В Кургане ребята шумели: «Посылайте нас в такое место, где ничего нет, где романтика!» Ну, начальник поезда и распорядился: «Что ж, поезжайте в Кизир. Там как раз ничего нет!» Мы идем бором. За кружевными вершинами сосен далеко впереди белеет громадной папайю гора Желанже.

— Вот здесь поставили первую палатку. — Анатолий указывает на солнечный, веселый ложок, на котором едва видны черные круги — следы первых комсомольских костров. — Приехали и сразу же начали рубить просеки, корчевать пни, рить ямы под фундаменты домов. Трудно было. Некоторые не выдержали, уехали. Нет, не уехали — убежали. А некоторых мы сами... просто выгнали! Катань сказать, самый большой отсев из приезжающих составляли москвичи. И возиться с ними больше всего приходится... Обидно, но факт. Интересно, запоминаются ли столичные райкомы комсомола над тем, что из тридцати, скажем, прибывших на стройку по путевкам остается десять человек, а иногда и меньше... Отсюда, с Казира, мы перепералась в Кошурниково. Станция, конечно, никакой не было. Болото, топь непролазная. Жили тогда в старой, заброшенной избушке, а на работу через тайгу ходили.

Странновато было, особенно ночью. Как-никак, тайга. Без ружья не отправлялся. Ну, а что касается работы, то работали, конечно, здорово! — И снова дорога: мимо поселков, механизированных колонн, дальше и выше, в Сайны... Бурлит, бросается на скалы Кизир, а на противоположном берегу — горы, горы до самого неба, покрашенные густой тайгой: пихтой, елью, сосной, осинником.

Впереди громадной лесистой грядой чернеет высокий кряж. Вершина его расколота надвое: две скалы уперлись острыми каменными пальцами, кажется, в самое небо. Там Каспийские ворота. Строителям Артемовского тракта понадобилось когда-то целый год, чтобы пробить в скале узкую полосу. А нынешние строители должны во много раз быстрее пробить в глубине Каспийского перевала тоннель длиной в полтора километра.

Через скалы, через топь болот и тайгу идут комсомолы головных поездов. И впереди — изыскатели, первые, кто прошел по трассе. Но иногда обогнуты и их. — В январе Алексей Александрович Мотовилов, старший прораб строительства станции Кошурниково, получил распоряжение: срочно закончить строительство дома на Козинском перевале для голозной партии изыскателей. Дом этот начали строить еще осенью, но пошли дожди, и работы прекратили. Задание было трудное. Условия работы на перевале не сулили ничего хорошего.

Все знали, как переменная на перевале погода: снегопад сменялся сухим, обжигающим ветром, ветер — бураном, буряк — трескучим, невообразимым морозом.

Мотовилов думал: кого послать на перевал? Он решил сходить в бригаду местных плотников. К тайге они были привычны, перевал знали хорошо. «Наверняка», — думал прораб, — найдутся среди них добровольцы.

Однако местные плотники ответили отказом: — Озолоты, Саньч, но на Козу ни за какие деньги не поедем. Мы ее, проклятую, с детства знаем. И шутить с ней не собираемся.

Прораб обратился к комсомольцам. — Дело, ребята, серьезное, опасное. Работать придется в очень тяжелых условиях. Старожилы отказались. Подумайте.

Вечером к прорабу пришли шестеро. — Решили ехать, — сказала за всех Михаил Власов. — Сделаем в срок. Когда выезжать?

— Снаряжались в дорогу, как в настоящую экспедицию. В конце января выехали на перевал. Тянуть машину на Козу вылезали тракторист-комсомолец Заиков, бывший рабочий московского ремонтного завода.

В первый день добраться до перевала не удалось. Выюга была такая, что не смог пробиться и трактор. Пришлось вернуться назад. Алексей Александрович забеспокоился. — На таком ветру любая охота пропалет.

— Ничего! — бодрились ребята. — Завтра чуть свет опять на штурм.

И снова в струну выгибывался трос, трактор тащил машину, прогибая в снегу траншею. Приходили часто останавливаться, разгружать машину, подтащить ее выше и снова нагружать...

На перевал поднимаясь только к вечеру. Комсомолы огляделись. Стены недостроенного дома были завалены сугром, ребята увидели лишь огромную глыбу. Михаил Власов — усмехнулся Власов. — Ну, ладно, давайте обживаться. Первое — развести костер.

Наутро недалеко от дома ребята обнаружили в снегу маленькое старое амбаре. В зимние они и поселились...

Однажды ночью Мотовилова разбудил телефонный звонок. — Алексей Александрович? Михаил Власов бесноват?

— Власов? Постой, постой, ты где?

— На перевале. Здесь линия телефонная проходит. Вот и решил воспользоваться.

— Да аппарат откуда у вас? У медведя, что ли, одолжили?

— А мы аппарат со строительства привезли... Все равно без дела вылезало. Хлеб кончился, Алексей Александрович. И машину прислалась Заикова, а то к сроку не кончим. Стекла еще надо...

Хорошо, завтра будет. Дети на Козинском перевале ребята построили к сроку.

Строительная площадка станции Кошурниково раскинулась на небольшой возвышенности. Кругом простиралась тайга и болота. Совсем недавно бригада Анатолия Костина готовила место под материалы, а сегодня в тайге вырос целый поселок. Его построили комсомолы.

О том, как живут и работают молодые строители таежной дороги, хорошо рассказал в своем письме родным комсомолец Тихонов, приехавший в Сибирь из Марьинской АССР.

«Здравствуйте, дорогие родные — мама, Мария, Петр, Клава, Михаил, Саша, Наташа, Галя и Лена. Горячий сибирский привет шлет вам Василий.

Я живу хорошо и работаю бригадиром комсомольско-молодежной бригады плотников. Все члены нашей бригады из Марьинской АССР. Трудимся на станции Кошурниково. Мы очень гордимся тем, что строим такую станцию, которая носит фамилию одного из первых изыскателей этой трассы.

Устроили нас в общежитии. Живем по пять человек в комнате. Со мной вместе работают наши ребята с «Красного стекловара» Анатолий Новиков, Рудольф Шапов, Валентин Ведехин, Федор Фатиков.

Хотя многие из нас не были раньше знакомы, живем мы дружно. Потому что цель у всех одна — закончить семилетку до срока и пустить нашу магистраль на шесть месяцев раньше, чем предусмотрено планом.

Мама! Только что вернулся из Красноярска где проходили слет строителей. Там были посланцы со всех концов нашей страны. Чувствую себя хорошо, хотя вначале было трудно привыкать к климату, но теперь мы настоящие сибиряки.

Настоящие сибиряки! Так говорят о себе молодые строители дороги.

Нет, не страшны им ни сибирские зима, ни таежная глухомань, ни тонкие болота, ни бездорожье Саян! Все дальше и дальше уходит дорога комсомольской славы, дорога в завтра.

Каспийские ворота.

Фото автора.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Когда он родился, ему дали красивое имя Фестиваль, происходящее от испанского слова «фiesta», что означает праздник.

Сначала он поселился в Праге, и к нему моментально съехались со всего света тысячи молодых людей. Там, в Праге, он спел своим родным такую замечательную песню, что ее подхватил весь мир и поет до сих пор. Я имею в виду песню дружбы, которую запевает молодежь и которую не задумшишь, не убьешь...

Фестиваль оказался ребенком, одержавшим страстью к перемене мест. После Праги он уже побывал в Будапеште, Берлине, Бухаресте, Варшаве, Москве и повсюду оставил о себе наилучшие воспоминания. Теперь он посетил Вену.

Вы заметили, конечно, что до этого Фестиваль путешествовал по столицам только социалистических стран. В этом мире он чувствовал себя прекрасно. Но после Москвы Фестиваль решил съездить и в мир капитализма. Рассуждал он так: «Почему и должен ограничивать свои поездки миром социализма, если миллионы моих друзей ждут меня и там, в странах капиталистических. И так уже мои враги обвиняют меня в том, что я сделал приятное только коммунистам. Это же неправильно! Я дорог всем, кто хочет, чтобы на земле был мир и дружба. Разве я виноват, что коммунисты тоже хотят мира и дружбы?»

Рассудив так, вполне логично, Фестиваль заехал у австрийского правительства въездную визу: кому, мол, со своими друзьями проехать десять дней в Вене, в городе, который любит музыку, танцы и вообще умеет веселиться.

Австрийское правительство явно выдало. Боже, как заволновал по этому поводу свободные советы австрийские (и не только австрийские) буржуазные газеты! «Коммунистическая оккупация Вены!», «Пропаганда коммунизма лонится в наши двери!», «Рука Москвы!», и прочее, и прочее.

Но вот Фестиваль приехал в Вену и в своем ярком, многоцветном костюме вышел на солнечные улицы, на красивые площади австрийской столицы. И тут произошло нечто неслыханное. Австрийская буржуазная печать погрудилась в могильное молчание, будто никакого Фестиваля в Вене нет. На венском стадионе в присутствии девятиста тысяч жителей столицы прошел грандиозный праздник открытия — венские газеты молчат. День за днем Фестиваль все шире расправлял свои крылья, и Вена почувствовала в нем друга, сердцем потонула к нему — газеты молчат. Венцы ходят на веселые фестивальные концерты, выставки, на спортивные соревнования, конечно встречаются с молодежью всех цветов кожи — газеты молчат.

Я по этому поводу обратился на улице к пожилому венцу. Нарочито выbral пожелать: не поможет ли он мне на основе своего большого жизненного опыта понять, что стряслось с венскими буржуазными газетами. Это оказался рабочий радиомастера Карл Дитмайер. Я задал ему два вопроса: если он был на открытии, понравился ли ему то, что он там увидел, и второй: почему все же молчат буржуазные газеты?

— Фестиваль может не понравиться только людям с холодным и злым сердцем, — ответил Дитмайер. — Ну, а газеты... — он сделал выразительный жест рукой — если бы они писали о том, что думают простые люди, я бы их чаще покупал...

Фото
И. Зюнова,
В. Николаева,
С. Косырева,
М. Букутарева.

Заночился VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вене. Десять дней внимания юношей и девушек всех стран мира было приковано и великому форуму юности в австрийской столице. Открытый и свободный для всех, фестиваль полностью оправдал надежды миллионов. Восемнадцатая тысяч представителей молодежных организаций из 112 стран еще раз в полный голос заявили о своей твердой решимости бороться за мир, теснее сплести ряды борцов против империализма и колониализма, против войны.

Венский фестиваль нанес поражение тем, кто пытался помешать международной встрече, хотел расколоть молодежь. Позорно провалились попытки реакционеров организовать антифестивальные выступления, изолировать фестиваль от населения Вены. Достаточно сказать, что только на крупнейших мероприятиях фестиваля побывало около 700 тысяч венцев; 450 тысяч посетов национальные и международные концерты делегаций; 110 тысяч австрийцев и делегатов фестиваля вместе отметили праздник, посвященный миру и дружбе между народами. Для Вены, население которой немногим более 1,6 миллиона человек, эти цифры означают очень многое!

На фестивале каждая делегация имела возможность встретиться с десятками других, представляющих молодежь самых различных районов земного шара. Советские делегаты встречались с юношами и девушками США, Китая, Италии, ГДР, ФРГ, Югославии, Цейлона, Финляндии, Испании, Индии, Австрии и многих других стран. Наша делегация представляла молодежь, самую миролюбивую деревню мира, и потому советские юноши и девушки были невольными гостями всюду, где звучали песни дружбы!

Во время фестиваля состоялось 13 встреч по профессиям, 12 — по интересам, 6 международных студенческих семинаров с участием виднейших ученых мира. В 800 концертах и выступлениях приняли участие артисты и спортсмены более чем из 70 стран. Четыреста талантливейших представителей искусства выступили в художественных конкурсах.

Венские встречи молодежи показали всему миру, насколько глубоко утвердился идеал фестиваля в широких массах юношества. Эти идеи находят активную поддержку всех трудящихся, всего прогрессивного человечества.

Мир и дружба были хозяевами за огромный круглый стол фестиваля. Делегаты его, разбегавшись по родным краям, увезли горячую веру в торжество принципов мирного сосуществования народов.

Триумф Венского фестиваля — еще одна знаменательная победа сил мира над черными силами войны!

Венского фестивалю

В чем же все-таки отличие Венского фестиваля от всех предыдущих? В том, что здесь Фестиваль столкнулся лицом к лицу с противниками мира и дружбы, здесь состоялся, так сказать, их личная встреча. Ну, и что же произошло? Одно могу сказать: Фестиваль этой встрече не испугался. Ни чему не удивился. И был таким же веселым, как всегда. Только, может быть, подобрался немножко...

Что же касается противников Фестивала, то эти господа австрийского и главным образом всякого иностранного происхождения явно растерялись. Одно дело — брехать на Фестивале надлежи, другое дело — столкнуться с ним на улице иступить в открытую дискуссию. Но все же, поскольку деньги на борьбу с Фестивалем этим господам были щедро выданы, их надо было тратить. И вот какие-то типы без национальной принадлежности пытались всучивать делегатам антифестивальную газетенку «Венские новости», листовки о дьявольских кознях коммунистов и всякую иную подобную мздулатуру. Надо сказать, навесели они в Вьну этого чепухового утдыльсарья целыми тоннами. Надаклеа везли: из Америки, Англии, Западной Германии. Даже из Сирии, Иггерено, что они будут делать с этим грузом после Фестивала? Предусмотрели ли у них сметой транспортную часть обратного? Но это уж, как говорится, их забота.

Накануне открытия Фестивала Вьна стала свидетелем повинные символического происшествия. Над городом летали нанятые на те же заморские деньги самолеты, таскавшие за собой пропагандистские хвосты. Одни из них полоскали в небе лозунг «Фестиваль без нас». И вот именно этот лозунг возьми да и оторвись. Скрутился в комок и под несм всеи Вьны ушел. Вполне можно считать, что упал не просто лозунг: веселый, упругий ветер Фестивала сорвал попытку врагов мира обольстить людей грязной лозынью и помешать светлому празднику юности.

Он состоялся. Он десять дней дружил с красавицей Вьной и, право же, завоевала ее сердце!

Василий АРДАМАТСКИЙ

ВСТРЕЧИ И ЛЮДИ

(Из записной книжки туриста)

Поезд, доставивший советских туристов в Вьну, остановился под гулкими сводами вокзала. До открытия фестиваля оставалось несколько часов. Представители австрийского «Интуриста», любезно улыбаясь, сообщили адрес предначиненного для нас отеля — на окраине города, в самом отдаленном от фестивального центра районе. Сообщение не обрадовало, однако нам ничего не оставалось, как поблагодарить...

Гиды вьдут нас к автобусам, и мы снова в пути. Мелькают за окнами кричащие рекламы торговых фирм, фасады утопичных в зелени богатых особняков, все чаще сменяющиеся по мере удаления от центральной части города серыми коробками зданий жилых кварталов. Улицы малоподвижны. Нам объясняют: сегодня воскресенье, и магазины закрыты. (Позже мы убедились: хозяева магазинов ничего не теряют от того, что закрывают по воскресеньям свои заведения: покупателей все равно мало, магазины пустуют и в будни.)

Волнуясь, щипая глазами признаки наступающего праздника. Вот проплывают мимо яркие фестивальные флаги, за ними — уличный стенд, оклеенный знаменными плакатами, воздушными на фестивал. А рядом, на другом плакате, — юноши и девушки в национальных одеждах и надписи: «Мы за встречи, но встречи без коммунистов. Бойкот фестивальной!» Становится жадным вокруг фестиваля затевается грязная возня... Что думают об этом венцы?

...Автобус останавливается возле отеля. На противоположной стороне улицы стоят дети и двое взрослых. Они улыбаются, приветливо помахивают руками. Не успеваем покинуть автобус, как мальчик и девочка срываются с места и подбегают к нам. Мальчик указывает пальцем на мой значок, и когда значок с изо-

бражением серебристой ракеты уже поблескивает на его груди, он протягивает мне блокнот: запишите что-нибудь на память. Глаза ребенка сияют.

Подшли и взрослые, мужчина и женщина, наверное, родители. Венец, волнуясь, горчо пожал нам руки — в эти минуты он очень походил на своего сына. Мы не спрашивали, что думает он о фестивале: такая Вьна, Вьна честных, простых людей, не могла быть против!

Позже нам рассказывали о самой первой встрече советских делегатов с австрийцами... Голубые автобусы еще не появились на австрийско-венгерской границе, но жители маленького городка Никольсдорф, оставив свои дела, вышли на улицу. Конечно, не все. Однако их стало больше, когда советские парни и девушки, ступив на австрийскую землю, песней приветствовали хозяев. И вот уже на москвичи, а сами австрийцы повели «Подмосковные вечера» — песню, так понравившуюся всем еще на Московском фестивале и разнесившую отсюда по всему свету... Люди, у которых чистая совесть, любят хорошие песни и умеют их петь, а песни обманывают людей...

В тот же день в солнечном небе над Вьной появились самолеты. Они тянули за собой черные хвосты: «Festival ohne uns!» («Фестиваль без нас»). Мы стояли в толпе венцев и слышали возгласы возмущения. Один из горожан, положив руку на плечо моего товарища, сказал:

— Ну и пусть без них. А мы будем с фестивалем, с вами, ребята!

И они, простые люди Вьны, были с фестивалем все десять дней.

...Более двух часов длился на венском стадионе в Пратере парад делегации, которым открылся фестиваль, и ни на минуту на умоп-

кал стадион. «Фриден» — Фройндшафт Мир и дружба! — как кричали зорилы, перекатываясь от трибуны к трибуне.

Овации, нарастая, вспыхнули вдруг с невиданной силой, когда на поле вышла советская делегация. Они удавились после того, как представитель делегации Сергей Романовский попросил разрешения огласить приветственное Послание фестивалю от Никиты Сергеевича Хрущева. Стадион замер. «...Украшая ты землю плодами вашего труда и ваших талантов... Люди доброй воли хотят, чтобы принципы мирного сосуществования восторжествовали, чтобы человечество могло избавиться от ужасов войны, чтобы молодежь могла приложить все свои силы и способности на мирном поприще для блага человечества, его прогресса...» — разнеслась над стадионом слова Поляна.

Говорят, что венцы — спокойный, уравновешенный народ. Но в ту минуту, когда переводчик умолил, стадион наполнил бурлящую на горячем и светлом огне массу. Вена выражала полную солидарность с участниками фестивалей, и теперь — это поучествовали все — она никому не позволит помешать празднику юности... Над стадионом неодолимо сильно и широко плыли величественные зуммы Гимна демократической молодежи, и вместе с «детьми разных народов» пела рабочая Вена. В так называемой «стене молчания», которой буржуазные газеты и радио пытались отгородить фестиваль от населения австрийской столицы, была пробита незаполненная брешь...

...Случается, короткая эстафета навсегда врезается в память. Вы не запомнили имени человека, не сказали друг другу и десятка слов, а для вас он уже как старей друг...

Газету «Фольксштимм» (орган ЦК Компартии Австрии) мы брали по утрам в киоске близ отеля. Чуть позже — и ее уже не купили... Вместе с нами подошла к киоску старая, седая женщина. Мы хотели уже уходить, как заметили на глазах женщины слезы. «Я слышу русскую речь, значит, вы русские», — сказала она по-немецки и, помедлив, тихо добавила: «— Большое вам спасибо! Мы долго смотрели ей вслед. Может быть, совсемно сошлись сплести жизнь ее детям! Может быть, ее восхитила борьба нашего народа за мир и она благодарна поэтому каждому советскому человеку!»

Может быть!

...Владели одного из буфетных магазинов при встрече с нами сказал: «Русские — отличные шахматисты и превосходные дипломаты: они сначала жертвуют фигуру, а следующим ходом объявляют мат».

Когда я передал эти слова Эрику, молодому рабочему текстильной фабрики, с семьей которого мы познакомились в залах Штадтхалле, он покачал головой и ответил: «Нет, русские никогда не обманывали австрийцев, видно, предприниматель наврался анти-советских слухам. Это социал-демократы преддали рабочий класс, это Аденауэр ведет политику замиривания, прибывая к рукам экономии Западной Европы. Вот откуда можно ждать мата... Если хотите знать, — добавил он, — инициатор, за которые дергают тех, кто усердствует в пропаганде против нашего фестиваля, тинутся из Западной Германии...»

Эрик — руководитель одной из группы Союза свободной австрийской молодежи, которая сделала очень много для подготовки фестивалей. Он, кстати, рассказал нам следующие: весной, когда готовились в Вене антифестивальная манифестация, ее организаторы обещали участникам билеты на венские гастролы советского цирка. Можно сказать, пожертвовали фигуру и объявили мат себе же.

Мы встречали австрийцев, которые приехали на фестиваль в Вену из других городов, хотя им ничего не обещали, но одной из площадей города мы видели рабочих, по своей инициативе соорудивших помосты для художественных выступлений делегаций; во время манифестаций в одном ряду с делегатами разных цветов кожи и разных вероисповеданий шли австрийские пионеры и отбратбавруевестники; рабочие оркестры выходили на фестивальные празднества, хотя никто не просил их об этом; всюду, где требовались высокая организация и порядок, были австрийские коммунисты и тысячи беспартийных энтузиастов — горячих сторонников мира и дружбы.

Десять дней Вена была поистине интернациональной столицей, городом песен, музыки и танцев пяти континентов, городом международных встреч...

Парк Пратер — излюбленное место отдыха исповеданный юго-восточной части города, он занимает огромную площадь. О его размерах можно судить хотя бы по тому, что главная аллея парка имеет длину около пяти километров. По левую сторону акко-

ражены стадион, где проходили праздники открытия фестивалей, плавательный бассейн, большой круг, павильоны венской аркады — Мессегеленде. Здесь, в павильонах и в железнодорожных вагонах на территории Мессегеленде, разместились делегации 56 стран — добрая половина делегатов фестивалей. Здесь был расположен пресс-центр фестивалей, информационный центр советской делегации. Сюда чаще всего приходили встречаться с друзьями, но поздней ночью не смолкала многозвучная речь, слышались приветствия...

...Мы остановились в тени, чтобы переаредить фотоаппараты. К нам подошел африканец и протянул на ладони фотоаппарат «Зорник». Видимо, наши лица слишком красноречиво выразили недоумение, потому что парень извинился, потом рассмеялся и довольно хорошо произнес по-русски:

— Это не мой, а Беныс, моего товарища. Он купил аппарат в Москве, когда был на Московском фестивале. Только не знает, что значит вот эти цифры...

Так мы познакомимся с Сетом из Ганы. Вскоре к нам присоединились и его товарищи: Беныс, обладавший фотоаппаратом, и Кофи — оба студенты одного учебного заведения в Лондоне. Сам Сет — студент подготовительного курса Московского университета. Вот почему он неловко говорит по-русски. Я попросил Сета рассказать о лондонской жизни его друзей.

— Друзья завидуют мне, — сказал он, — потому что с ними рядом всегда презрение белых. Англичане десяти лет властвовали над нашей родиной, — а его голос зазвучал вневидные нотки, — и теперь еще презирают. У Бенысы и Кофи есть белые друзья, но какие они друзья, если стыдятся вместе выйти на улицу, в кино! В Москве не так, вы это знаете...

По имени Сета, рассказав дискриминацию — одно из самых больших зол империализма. Так думают не только делегаты Ганы.

30 июля, несмотря на дожди, десятки делегатов и венцев вышли на улицы, чтобы выразить солидарность с участниками национальных стран, ведущих борьбу за независимость. В Африке и в других частях света, говорили ораторы, миллионы людей ежесекундно подвергаются невероятной эксплуатации. Еще немало стран, где беззакония, творимые колонизаторами, сопровождаются невероятной жестокостью, как, например, в концентрационном лагере Хлола в Кении. Но жизнь показала, что свобода и независимость просто так не приходят, их нужно завоевывать. «Самостоятельные гарантии нашей победы являются наше единство, сила народов, все еще томимых под игом колониализма, солидарность всех мирополитических народов. Мы кланяемся вам, что молодежь Азии всегда будет верна принципам Бандунга... Мы пойдем вперед, несмотря ни на какие прокси империализма!» — заявил на митинге под гром аплодисментов член индийского парламента Хурбиндо Тосал. Над площадью вспыхнул фанал солидарности. При его свете сын и дочери порабожденных капитализмом народов, делегаты прогрессивных организаций Англии, Франции и других государств, обнимались и целовались в щеки.

В день закрытия фестиваля профсоюзная газетке «Венские новости» предсказывала неблагоприятную погоду: похолодание и дождь. Впрочем, она так изобразила, что в последние дни ее уже и бесплатно не брали. Прогносы сблизил даже здесь: весь день стояла чудная погода. А вечером, когда население Вены вышло на Ринг, к городской ратуше, чтобы еще раз приветствовать делегатов, в небе снова загорелся великолепный пологосал знамена, люди пели и танцевали.

Ислым солнечным утром этого дня Вена облетела весты: Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра обнимались друг друга в воздухе. Делегаты фестиваля приветствовали это решение. Десять надлетливших индонезийцев Бисмар Марзаяни сказали: «Если державы-гиганты договорятся между собой, — наступит мировое потепление. Встретимся дружно, заключим договор, сделаем выход из напряженного положения в мире».

Бисмар Марзаяни не коммунист. Его родители — мясник предприниматель, живет он в Паданге. Свое образование закончил в государственной школе, активно сотрудничал в Союзе учащихся Западной Суматры. С болью рассказывает он о прокси американских империализма,

которым по душе объединение прогрессивных сил страны. «Если исходить из вышеприведенных доказательств», — говорит он, — то мятен на Суматре явился делом заокеанской державы; ведь у митинговиков было оружие, которого нет у индонезийской армии». Волнует Бисмарка и проблема Западного Ирана: «Он должен быть возвращен в лоно своей матери» — Индонезии. Делегаты из Голландии, с которыми дважды встречались индонезийцы на фестивале, придерживаются того же мнения. «Все хорошие люди сочувствуют нашей борьбе, а советские люди — в особенности!» — восклицает Бисмарк.

«Вечером перед ратухей — последние общесекретариатские встречи молодых посланцев мира. Толпы венцев и делегатов фестиваля загромождают площади и прилегающие к ней улицы. Может быть, здесь и те, с кем мы вели дружеские беседы на венских бульварах и в парках, на выставках и в концертных залах. Мне очень хотелось бы встретиться еще раз с фотографом-художником из «Уингата Луциано Д'Алессандро», чьи великолепные снимки рассказывают о жизни рабочих Италии, может быть, привидев и ярче, чем иные итальянские фильмы; где-то здесь целлонская делегат Перера, горчо приветствовавший советских делегатов на встрече в «Граните»; может быть, здесь и та старая женщина, в глазах которой стоял слезы благодарности к советским людям... Это их голос сливается с голосом фестиваля:

- Да здравствует Мир!
- Да здравствует Дружба!

И. ЗОНОВ

«ВЕНА — ЭТО ЗДОРОВО!»

Н емало было разговоров и пророчеств в связи с предстоящим фестивалем в Вене. Говорили о нем и в Международном молодежном лагере близ Дубровника, старинного югославского города на берегу Адриатики. Там отдыхало около трехсот юношей и девушек из двадцати пяти стран. Многие из них собирались поехать в Вену, они хлопотали о визах и билетах. Другие рады были бы поехать, но не могли собраться со средствами. Однако находились и такие, которые заявляли, что не желают участвовать в фестивале.

Среди моих знакомых по лагерю было два студента, которые прямо говорили, что они не поедут в Вену: американец Джеймс Скотт и немец из Западной Германии Ленхард Гомбург.

Ленхард, один из активистов национальной студенческой организации, рассказал мне, что его Союз решил бойкотировать фестиваль.

Джеймс Скотт не ссылался на запрет какой-нибудь организации. Он сам для себя решил, что ехать ему не следует. Чем это было вызвано? Я долго не мог понять, пока не увидел в его руках брошюру «Правда о фестивале». Она была начлена самой злобной клеветой на молодых борцов за мир. На титульном листе значилось, что брошюра издана «Информационным центром Венского фестиваля».

С продукцией подобного рода я столкнулся в первый же день своего пребывания в Вене. В пестро размазанном павильоне, именуемом «информационным центром», лежали кипы антифестивальной литературы. Листовки, газеты, журналы, брошюры, книги на многих языках.

— Вы можете читать их, сидя в павильоне, можете брать с собой в неограниченном количестве. Пожалуйста! Все это бесплатно, — услужливо предлагают юркие молодчики, сидящие здесь.

Но вот вечером 25 июля на одной из площадей Вены — Карлсплац — появились светлоголубые автобусы с надписью «СССР». На ту же площадь выходил своим размазанным фасадом один из крупнейших «информационных центров».

Без всяких речей и дозгов из наших автобусов высыпали на площадь молодые грузины в своих национальных костюмах и закружились в стремительной пляске. Я стоял на площади среди огромной толпы венцев и видел, как захватывают и чарует их незнакомый танец.

За несколько минут до прибытия автобусов на площадь я обратил внимание на то, что в «информационном центре» было два — три десятка человек. Но сейчас их оттуда словно ветром выдуло: все бросилось на площадь. У дверей центра застыли только одинокие фигуры его служащих.

Кончился танец, и начались рукопожатия, объятия, поцелуй. Вена не могла не приветствовать людей, приехавших к ним с открытым сердцем, с песней и танцем! А тем временем на площадь вступила колонна молодых румын, за ней — большая группа китайцев, с песней подошла колонна австрийской молодежи. Все они вместе с венцами восторженно приветствовали советскую делегацию.

А «информационный центр» по-прежнему пустовал...

Мне не раз потом во время фестиваля вспоминались эти минуты. В том, что произошло на Карлсплац, был глубокий смысл. Вена откликнулась на фестиваль, на голос молодежи мира, а не на провокационные призывы «информационных центров».

Наво было видеть, как охотились жители Вены за билетами на концерты советских артистов! Да и не только советских. Французский балет, югославский хор, кубинский джаз «Америка», китайская опера... Разве перечислить все интересное в художественной программе фестиваля!

Но в дни фестиваля Вена не только пела и танцевала. Самое волнующее событие этого грандиозного праздника произошло вечером первого августа. В этот день весь фестиваль встречался со всей Веной. Колонны молодежи всех стран несколько часов маршировали по Рингу, бульварному кольцу, огибающему центр города. Движение транспорта было перекрыто. Сотни тысяч венцев высыпали на Ринг, чтобы приветствовать фестиваль мира и дружбы. Шествие закончилось манифестацией на огромной площади Хельденплац.

Только тот, кто видел открытие фестиваля в Москве в 1957 году и шествие по Садовому кольцу, может примерно представить себе, что происходило на Ринге и Хельденплац первого августа...

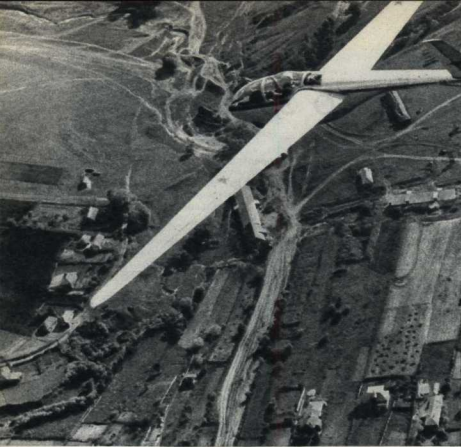
В самый разгар фестиваля в советском павильоне я неожиданно встретил Ленхарда Гомбурга. Он сказал мне:

— Ты знаешь, как это здорово, что я все-таки надулам поехать сюда! Здесь так много почетного...

А во время манифестации на Хельденплац я увидел и другого моего знакомого из Дубровника, американца Джеймса Скотта. Он стоял на площади вместе с группой молодых иракцев и пел Гимн демократической молодежи.

В. НИКОЛАЕВ

В ЛЕТНЫЙ ДЕНЬ

Текст и фото В. Саяка.

День выдался, как говорят планисты, паршивый. В густой синеве высились причудливые башни облаков. Легкий ветерок пробегал по зеленому ковру аэродрома. На летном поле царил обычный суета. Механики расчехляли машины, и утреннее солнце играло на серебристых дождевых плоскостях новеньких «А-1».

Каждый раз, когда Владимир Чувиков готовился к полету, он испытывал какое-то необычное волнение. Сверхзвуковые планиры, рождающие моторы бусарных самолетов, стартовав площадку с огромным белым «Т» — вся обстановка аэродрома действовала на него захватывающе.

Внимание, объясняя порядок полетов! — раздался голос старшего тренера сборной команды планистов СССР Виталия Яковлевича Симонова.

Сегодня полет по треугольнику. Как долго ждал Володя этого дня! Уражение трудное — серьезная проверка выносливости, умения, выдержки.

Закончены последние приготовления. Владимир еще раз свернет маршрут и захлопывает колпак. Наступает напряженная тишина. Ступит в висках. И вот наконец раздается голос руководителя полетов:

— Ноль четыре... Ноль четыре... Я — Сокол. Старт разрешаю... Машина легко скользит по траве. Короткий разбег, и вот уже встречный поток воздуха подхватывает плоскости. Круг над аэродромом. Трос отпущен, планир начинает по спирали набирать высоту. Волнения как не бывало. И только радость переполняет душу Володя.

Стрелка высотомера ползет вверх: 1100... 1250... 1500... Вокруг бескрайний голубой океан.

Одна за другой поднимаются в воздухе еще несколько машин. В наушниках — хаос позывных, чей-то смех, песни. В этой неразберихе звуков Володя узнает голос своего друга Леонида Пехтерева.

Вместе с Леонидом они поступили на завод, вместе избирали специальность токаря. И совсем недавно пришли в аэролаб ДОСААФа...

...Стрелка резко подпрыгнула вверх.

— Сокол, Сокол... Я — ноль четыре... Высота две тысячи сто.

Визну сверкающая лента реки. Володя смотрит на карту:こそ первый поворотный пункт. Внезапно машину качнуло. Володя почувствовал, что планир берет терпет высоту. Сильно закололо а ушах.

«Не мешает еще раз свернуть маршрут», — говорит Владимир Чувиков своему другу Леониду Пехтереву.

«Замечтался и потерял поток», — мелькнула тревожная мысль.

И снова томительные витки спирали — один за другим, один за другим...

— Ноль четыре... Ноль четыре... Я над тобой... Держись, Володя-ка...

Володя поднял голову. Над ним парил его друг, указывая своей машинной направленности потока... Вот Леонид уже совсем рядом. Его машина круто вымывает вперед: значит, поток совсем близко.

Наконец планир вздрогнул. Поток! — радостно захрипел Володя.

Только теперь он почувствовал, как затекли у него ноги, как нестерпимо ныла спина.

Друзья приземлились почти одновременно. Володя откинул колпак. Прохладный ветерок приятно обдувал лицо.

Закинув за плечо планшет, к планиру шагала улыбающаяся Леня.

— Ну, спасибо, друг, — сказал Володя. — Если бы не ты, пришлось бы «погазовать» мне сегодня...

Друзья подошли к стартовой площадке. Виталий Яковлевич выслушал рапорт о полете. «...Сокол! Сокол!...» — звучало в наушниках. Кто-то просил полетку.

СЛАВА БЕССТРАШНЫМ СОКОЛАМ

Взгляните на эти снимки. Стремительными молниями пролетают над землей легирильные красновоздушные самолеты. Кометами взрываются они в бездонное голубое небо, оставляя далеко внизу поля, леса, реки и облака. Бесстрашные люди — советские летчики — направляют их смелый удивительно точный полет.

Семнадцать лет назад советский летчик Г. Вачкачин совершил первый полет на реактивном самолете. Достойный воспитанник Ленинского комсомола, он открыл отважной советской молодежи путь в стратосферу. Семнадцать лет — небольшой срок. А как далеко вперед шагнула за эти годы наша реактивная авиация! Современные реактивные самолеты летают на огромных, сверхзвуковых скоростях. Они способны заблаговременно перехватить и уничтожить врага на самых дальних подступах к родным границам. Они могут, если возникнет в том надобность, наносить удары по врагу за многие тысячи километров от своих рубежей.

Все выше и выше стремится полет своих стальных реактивных птиц советские авиаторы, крылатые богатыри великого нашего народа. Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех — это девиз наших авианеостроителей, инженеров, летчиков, штурманов — всех, для которых обороной Родины стала великая призванием. Недавно весь мир узнал, что в нашей стране совершился подвиг советских пионеров — воздушных просторов. 13 июля подполковник В. Смирнов на самолете «РВ» с двумя реактивными двигателями достиг высоты 20 200 метров, имея на борту коммерческий груз на борту самолета в 1 000 килограммов. Следующий же день, 14 июля, майор В. Илюшин на самолете «А-31» с турбореактивными двигателями достиг высоты 28 760 метров.

И вот подполковник В. Смирнов улучшил свой рекорд: на том же самолете «РВ» он достиг высоты 29 200 метров, имея на борту коммерческий груз в две тонны! В недавнем прошлом комсомольцы — все с сердцем побуждение голубой простор, ныне коммунисты Ленинградского политехнического института установили блестящие мировые рекорды, пробаивая в воздухе самолетом реактивную установку — отвлеченную полярную станцию — реактивную полярную станцию — реактивную полярную станцию — реактивную полярную станцию. Достигнутое не предел. Советские реактивные самолеты работают над решением проблем дальнейшего увеличения скоростей и потового полета реактивных и турбореактивных самолетов. Наши авиаторы все более знания, сила, опыт создают освоенные новейшей авиационной техникой, учатся брать от нее все, что можно.

Вместе с ветеранами воздуха настоящие овладевают современной техникой молодые летчики и штурманы. Комсомольцы — члены воздушного флота. Тысячи, десятки тысяч молодых бесстрашных юношей навстречу своим мечтам, с воздухом, стремительными советскими самолетами.

Пламенные патриоты Родины, люди железной воли, огромного мужества и великой цели, это они вычерчивают своими машинами воздушную расписку и несут своего слава, водят свои красновоздушные самолеты днем и ночью, сиюзу тучевые толпы летают там, где не может жить дикая птица.

Слава бесстрашным силам нашего Родны!

Майор Г. ГРИГОРЬЕВ

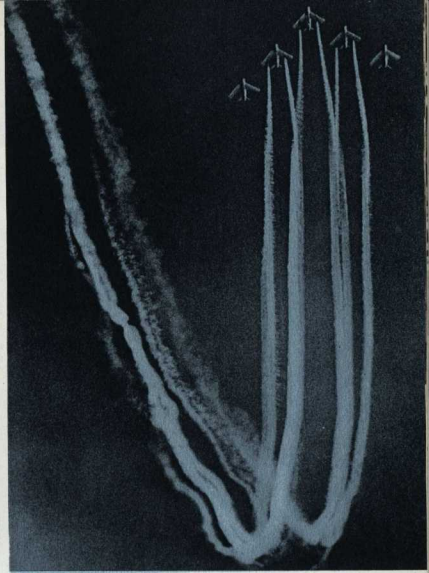
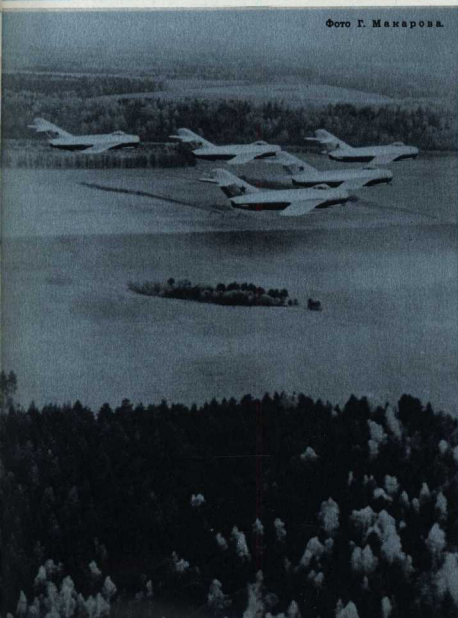

Фото Г. Макарова.

Не одно талантливое поколение вырастило Семеновское художественное училище. Вот и сейчас в его стенах учится много способных народных мастеров. На с ними и: Инна Сазонова и Лидия Теплова на уроке хохломской росписи.

Фото А. Скурихина.

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Творца талантов рук

В творчестве хвойных лесов за Волгой-рекой живет стариннейший русский городок Семенов. Широкие, просторные улицы, переулки, крепкие деревянные тротуары. Одноэтажные, с садниками, дома. Ворота и наличники на окнах украшены чудесной резьбой: узоры листьев, грозды рябины, поющие петухи, сказочные птицы с длинными хвостами.

Вырезаны они руками безымянных мастеров-резчиков из народа. «1837—1852» — поясняют влетенные в орнамент даты.

Семенов — центр художественной резьбы и росписи по дереву, известной всему миру под названием «холомская».

Холомская роспись по дереву — замечательный самобытный вид русского народного искусства. Она возникла в XVIII веке в Заволье и получила свое название от села Холома — центра сбыта изделий.

Еще в дореволюционные годы, в семидесятые годы прошлого столетия Георгий Исакович Матвеев по совету А. М. Горького начал собирать лучшие образцы холдомской росписи, разных деревянных изделий и организовал в Семенове школу.

На основе этой школы, где Матвеев и его жена обучали семерых крестьянских ребят, в 1918 году была организована специальная профессионально-техническая школа мастеров художественной обработки дерева. Больше трех тысяч мастеров вышли за эти годы из стен школы, преобразованной теперь в Семеновское художественное училище. Одна из лучших мастеров росписи, художница Анастасия Куркина, — в прошлом воспитанница этого училища. Сейчас Анастасия Куркина преподает в училище, передавая свои знания и опыт будущим мастерам.

Издания холдомской росписи украсили дома советских людей. Они хранятся в советских и зарубежных музеях. Золотые медали, дипломы, почетные грамоты мастерам — на наших и зарубежных выставках, еще раз подтверждают славу этого подлинно народного искусства.

На выкладке слева: образцы холдомской росписи по дереву.

Радостная пора наступила в жизни Аллы Лабецкой: она успешно защитила диплом в студии Московского Художественного театра, и теперь перед ней открылся широкий путь в искусство. Ее дипломная работа — роль Любы Маякиной в новом художественном фильме «Фома Гордеев», который в сентябре выходит на экраны.

Занимаясь в студии МХАТа, Алла все более тесно связывала с театром. Но случай изменил ее планы. Год назад известный кинорежиссер М. С. Донской закончил работу над сценарием фильма «Фома Гордеев» по одноименному роману М. Горького; он предложил Алле выступить в роли молодой купчихи Любы Маякиной.

Когда Алла Лабецкая приехала на киностудию, то многие удив-

лись выбору режиссера. Алла, хрупкая стройная девушка с тонкими чертами лица, внешне меньше всего походила на купчиху.

— У вас нет ничего общего с Маякиной, — говорила работница студии. — Вы скорее Медянская...

Но Донской был непреклонен в своем решении. Он жил в первой пробы. Когда проба была готова, все пришлось к выводу, что лучше не обмануло режиссера. И не случайно после съемок нескольких сцен Аллу Лабецкую стали называть... Любой!

Именно захватил образ мой героини — женщины, глубоко не удовлетворенной жизнью, мешавшей средой, но не находящей сил для того, чтобы порвать со своим классом, — сказала молодая актриса. — Мечты Любы остались только мечтами...

Кадр из фильма «Фома Гордеев». Алла Лабецкая в роли Любы Маякиной.

Алла Лабецкая.

Большую помощь в работе мне оказал кинорежиссер Марк Семенович Донской, — продолжала Алла. — Своими советами он помог мне лучше раскрыть образ Любы Маякиной, привал горячую любовь к кино как к большому искусству, где в полную силу можно раскрыть человеческие думы, чувства, переживания.

Чем же теперь собирается заниматься Алла Лабецкая? Театр или кино?

— Я очень люблю и то и другое, — задумавшись Алла, — кино мне стало как-то ближе.

Кстати, Алла снимается в кино с четырехлетнего возраста: она выступала в главных ролях в короткометражных фильмах. Таким образом, в двадцать один год Алла Лабецкая имеет уже за плечами «семидесятилетний стаж» киноактрисы...

Ан. ФИНОГЕНОВ

В КИПЕНИИ ЖИЗНИ

Серафим Измаилов приехал в Сумгаит после окончания ремесленного училища. Весь багаж будущего верхолаза состоял из альбома с рисунками и красок. Серафим очень рано потерял мать. Отец устроил мальчика в детский дом и больше не вспоминал о нем. Сердце Серафима наполнило обидой и горечью. Когда ему было особенно тяжело, он брал карандаш и рисовал горные ручьи, стремительных всадников, сказочные замки...

Такие же недоступными, как эти замки, показались Серафиму взметнувшиеся вверх стальные конструкции.

Когда он первый раз пришел на стройку, бригадир смерил взглядом его немнущую фигуру и удивленно спросил:

— Как ты попал в монтажные?

— Я работы не боюсь!

Вместе со всеми он поднялся по звенящим ступеням на верхнюю площадку редактора. Отсюда на двадесятки километров была видна серая, как кошма, степь. Слово рассыпанные камушки, белели дома поселка.

Монтажники один за другим

ступали на шаткие подмости. Стараясь скрыть волнение, Серафим приготовился идти за ними.

— Подожди! — сказал бригадир. — Видишь у самой земли в реакторе окош? Спустишь туда лесенку и, если наверху потребуются инструмент, будешь к ней привязываться...

Но пришел день, когда и Серафим стал работать на высоте.

Серафим подружился с монтажниками. Пареньку, недавно вошедшему в коллектив, захотелось сделать для товарищей что-нибудь хорошее. Он решил написать копию с цветной репродукции картины Рубенса «Охота на львов».

Когда картина была готова, он показал ее товарищам.

— Это вам, сказал парень.

Наступила осень. Резкий ветер свистел в стальных балках, работать было трудно.

В перерыв, потирая покрасневшие руки, монтажники бежали в контору греться. А Серафим садился на груду песка и открывал альбом. На ватмане появлялись ажурные стальные конструкции и фигуры друзей — людей суровой и ро-

мантической профессии. Ветер надвигал их куртки, в движениях чувствовалась упорство и воля...

После смены он готовил «молнии» — короткие сводки о победах строителей, а потом бежал в школу рабочей молодежи.

Однажды вечером, войдя в свою комнату, Серафим увидел директора клуба. Тихо, словно доверяя кому-то тайну, тот предложил ему место художника.

— Я ведь работаю.

— Кому нужен ваш талант на стройке? Приходите к нам: работа легкая и выгодная...

Серафим ничего не ответил. Наутро он шагнул привычной дорогой. Он думал о бригаде, о своей работе, которая не поменяла ему окончить среднюю школу и не поменяет званитям живописца. Нет, он не уйдет со стройки, где живет настоящих друзей!

А в перерыве он снова сидел с альбомом на коленях. Серафим рисовал и думал о своей первой картине. Он называет ее «Бригада коммунистического труда».

Такое полюбил может родиться только здесь, на стройке, в кипении жизни!

К. ГОНЕШИН

г. Сумгаит.

ВЫСТРЕЛ В КАМЫШАХ

Рассказ

Рядивну репейник, Егорка осмотрелся и, припав телом к земле, быстро поволол по краю колочих зарослей к большому кусту облепихи, где он и в лежку насторожил лопушку. В лежку была добычка. Зайчишка. Печально свесив длинные уши, он висел в петле из конского волоса.

— Ага, косой, втыкался! — Ухватив зайца за уши, Егорка дрожавшим от азарта рукам стал вынимать его из петли.

Едва сиди поспылился скрипучий голос:

— А ну, тикай отсюда, собачий отпрыск!

Егорка обернулся, и на лбу его выступил липкий пот. Шагах в десяти от куста, опираясь на рукоять палку, стоял приземистый горбоносый паренек с сухим, коричневым от загара лицом, на котором белыми полосками выделялись косматые брови. Одет он был в заплатанный пиджачок, туго перетянутый ремнем.

— Что ты пристаю, Варавка? Опять моего зайца захватил хочешь?

— Ты поговори у меня, — спокойно сказал паренек. — Штрафанка как на сто целковых, будешь знать!

Егорка выпустил мягкие уши лобного зайца, поднялся и торрливо отошел к столбу с прибитой квадратной доской, на которой косыми буквами было написано: «За незаконную охоту штраф от рублея».

Очунтившись в безопасности, Егорка вытер со лба пот и обрел присутствие духа.

— Эй, Варавка — бряко коров! — громко начал выкрикивать он. — Поданьиш мном зайцем... Погоди, еще попадешься мне в деревце, я тебе нос расквашу! Не твои запонки, а общественный... Я еще в правление скожу. Расскажу, как ты фазанов на базаре продаешь...

Не обращая ни малейшего внимания на могучий взрыв Егоркиного негодования, парень подошел к кусту, ловко вытаскил из лопушки зайца и поднял его за ноги.

— С ночи еще в петлю залез, — сказал он и тихонько вздохнул. — Глаз у тебя, что ли, не было, дурень косоглазый. Бегал бы себе по запонке, а теперь вот придется тебя жаржить...

Парень с суковатой палкой в руках был хозяин и повелитель здешних мест. Ленка Варавка, единственный сын сторожа небольшого запонкища, расположенного на берегу озера. Отец Ленки неделими пропадал в горах, охотился за горными кодами и снежными барсами. И тогда запонкищ оставался под надзором Ленки, гордога, как бродячий кот, и недоступного для деревенских

ребят, как мотострел курортного катера.

Запонкищ находился километрах в пяти от деревни, там, где на низком берегу озера непролазная стеной стояли колочие заросли облепихи, джержанга, как говорили здесь. В чащах его резвились на приволье коскии исксыкучего зайца, тех самых зайцев, которые в отличие от прочих собираются не белеют зимой. Бдятельно охраняемые Ленкой, зайчим нагуливанием стали и становились полюбавшимся, что охотники лезли даже в такую примитивную снасть, как волосная петля.

В запонкище неторопливо разгуливали длиннохвостые рыбье фазаны, недовольно пофыркивавшие, если им приходилось уступать кому-нибудь дорогу. На высоких, черных ветках лениво раскачивались серые крикливые сорокопуты, подстергавшие неосторожного птенца или полевою мышь. Поклевывая желтые ягоды джержанга, бойко прыгали краснорудые горхвицы. На изрезанном мелкими заливами и узкими песчаными косами берегу табунились несметное количество уток и прочей птичьей живности с перепончатыми лапами, охочей до жучков и малюков, шнырявших в водорослях.

Запонкищ, полный неупаганного зверья и дичи, как магнит, притягивал деревенских ребят. Не одну окольную тропку протоптали босые ноги от деревни по старым аркам и заросшим репейником косогорам к заветным местам. Но стоило кому-нибудь перешагнуть или, тащ в кустах, переползти границу запонкища, как об этом немолчными путями узнавал Ленка Варавка, и его скрипучий голос обязательно раздавался в тот блаженный миг, когда ребята руки уже добивались до лобного зайца или подбитого фазана.

И это был тот самый Ленка Варавка, который учился вместе с деревенскими ребятами в школе, который сватался, как это бывает со всеми, doubly к нему чужное стихотворение, играл на перемехах в пятнашки. В запонкище он не признавал ни друзей, ни знакомых. Даже рыбу на песчаных отмелях ловить не разрешал, хотя всем мальчишкам было до створено известно, что запонкищ находится не на воде, а на суше. Стояло только рыболовам повывать волье тихие заливочки, где кишмя кишела жирная маринка, как из камышей немедленно выплывала туловоса смелая лодка и Ленкино скрипучее: «Штрафанка!» — с оным ребит от благодатных мест.

При всем этом сам Ленка вел себя в запонкище, словно в собственном владении. Он мог поста-

вить в любом месте силки на зайцев, был из отповского дробовика уток в ивнятых заливах, подшибал фазана, когда те по утрам прилетали к сторожке подкомориться возле кур. Марину Ленка вылавывал не удочками, а сетями и заготавливал ее впрок, заваливая на солнце длиннохвостых низки. Когда ребята высказывали свои обиды Ленке прямо в глаза, тот ницуть не смущался. Прищуривая раскосые глаза и вздергивая белесые брови, он говорил:

— Понятия у вас никакого нет! Допусту вас в запонкищ — беды не оберетесь. Утечка, и того готовы придуриться... А на что он вам, утенок, не собиражесь...

— Сам, небось, зайца жарышь. — Жарю, — соглашался Ленка. — Вы каждый день прирог лопаете, а мне татыка на неделю ослепе, а вы только сухарей да соли в солюлке остави...

Имея достояние на Ленку и угрозы, Ко-кто из ребят пробовал насканивать на него с кулаками. Но из этого тоже толку не получалось. Драться с Ленкой не было никакого резона. Он не кричал, не ярился, не суматошничал. Стиснув зубы, Ленка молча и расчетливо обрабатывал своего противника косялками, крепкими, как железно, кулаками. Даже ребята постарше не удавалось сбить его с ног.

Однако лучше всего Ленка охраняла таинственную возможность «штрафануть», которой он уверенно пользовался. Всякий, кто хотел посягнуть на Ленку, наверняка знал, что он еще не один раз будет поиман с полничным за запретной чертой запонкища. И когда в выростой мальчишечьей голове возникала картина, как его отца или мать вызывают в сельсовет и предьявляют штраф, то от одной этой мысли на лбу появлялась холодная испарина.

Особенно трудно приходилось Егорке Нефросому. Для большичко ребят лобманый заяц или фазан служили простой забавой. Для Егорки же они были желанной, заветной добычей. Наверное, в жилах парня струилась настоящая горячая охотничья кровь.

Привторившись к охоте начинался у Егорки с того, что он в сумерках крадся на колхозную конюшню и беспощадно выщипывал хвосты колхозных петляшек, орлянок и истребков, выбирая тех, которые были посветлее мастью и не лагались. Затем Егорка укрывался в сарае, где, закатыв штаны, сучил на голую колени прочные ямки. Пожалуй, это было самое приятное время. Уютно расположившись среди бочек с клеаневой капустой и калудеш с помидорами и мочеными яблоками, Егорка пробовал прочность снятых из

конского волоса силков и мечтал. Он представлял себя отважным охотником, с ног до головы увешанным ружьями, ножами и стальными халканами. Егорка бесстрашно бродил по пустыням, где рычали львы, метким выстрелом сваливал разъяренных тигров, догонял бегущих оленей и с ножом в руке становился на пути негодного медведя.

Пробуя на пальце готовый силков, Егорка радовался его цепкой хватке и, сощурив глаза, видел длинноутое зычье голоду, вступившее в петлю. Когда силков был готов, Егорка сразу же тащился к запонкищу и там попадался с полничным в руки Ленки Варавы. Тот обрывал добычу и отлучившись, снял отгонял Егорку от густых зарослей джержанга. С такой же страстью, с какой Егорка охотился за зайцами, Ленка Варавка охотился за Егоркой. И когда Ленка охотился на Егорку, Егорка охотился на Ленку. Егорка поклялся, что добудет в запонкище зайца во что бы то ни стало.

На какие толкуи упиренся не поддавался Егорка, чтобы осуществить свое заветное желание! Он часами лежал на глинистом обрыве, с которого хорошо было видны охотничьи сторожка, поджидая, пока Ленка индюком ступит на запонкища. Однажды Егорка даже притворился больным, чтобы уснить Ленкину бдительность. С утра Егорка нарядился под ватным одеялом и отважно глотал горькие, как полынь, таблетки, которыми пичкало его мать. Егорка уже представлял, как он на тот раз обведет вокруг пальца зоркого стража запонкища и притащит на показ ребятами пушистые кисточки зычячих лап. Лежать под ватным одеялом, когда на дворе жарит июльское солнце, было не только трудным, но Егорка терпел. А после обеды он заметил, как в окно с улицы заглянула черная нестриженная голова. Зоркий глаз хитро подмигнул Егорке, и голова скрылась. Егорка сразу понял, что Ленка на кадан не верит в его болезнь. Париться под одеялом терпеть уже не имело никакого смысла.

И все-таки домоганный случай представлялся Егорке. Это произошло во время зимних каникул. К зиме на Исык-Куль прилетают из дальних краев лебеди. Когда сторожке красивые птицы парами стали лавать на темном воде озера, Ленка приоблажался забавы. Лебеди — птица особая. Это не фазаны, которым в запонкище счесть никто не вел. Лебедей в запонкище было немного. Ленка беспощадно отлавливал их охоту с другого, знал привычки каждого. Каждый вел утром и вечером Ленка подкармливал лебедей, выслывая в заливах на заране под-

Рисунок Ю. Ракутина.

готовленные плотники охлани озерной трамы и скопанных бурых водоселей.

Для озерного набега на заповедник Егорка и решил использовать то время, когда Лешка корчит лебедя. Едва в осях зарбелся тусклый зимний рассвет, Егорка сполз с кровати, тихонько оделся и выскользнул из дому, несильно притворив за собой дверь. Когда он подошел к заповеднику, уже рассело. Остановившись на бугре возле знакомых тополей, Егорка стал осматриваться. Из трубы Лешкин сторожок вылетал синий дымок. Егорка зябко пожегся. Утренний холодок все дальше и дальше запоздал под ватную куртку и зябко застрелял на спине и плечах. «Варав, небось, у теплой пещки сидит, а тут из-за него мерзнешь», — недовольно подумал Егорка и поглубже нагнув на уши шапку.

К тому времени, когда Лешка вышел на крышко и направился в сторону озера, Егорка успел начисто сощипать соляндую краую хлеба, прихваченную им из дому, и раз десять растереть мерзнувший нос. Едва знакомая тушюная собака вылетела за залив, Егорка сустился с бугра и, пригнувшись, пережал открытую поляну. По-тихоньку он пробрался в применное заране место на берегу узкого залива. Там, в колдовом тумане, старикане, который начался рядом с густыми зарослями камыша, песок чуть усеян стежками зачыных следов.

Насторожив лопушку, Егорка, словно тем, не шелочуя ни одной веточкой, выбрался из заповедника и лег метра в десяти от доски, на которой чернела знакомая надпись. Можно было уйти в посылку, а вечером прийти и осмотреть лопушку, но ташиться добрый десяток километров туда и обратно Егорке не хотелось.

Место у него было худое. Скратый низкими кустами, он видел и озеро, и лебедей, и Лешкину лодку. Лебеди уже приплыли к подкормке. Когда Лешка вывалил из плотик охладку озерной трамы, бликая пара лебедей издала трубные звуки, раскатишися по воде, и вытянула длинные шеи. То пригнбася к воде, то высоко поднимая голову и осматриваясь вокруг, лебеди осторожно толкались поплаву к узкому заливищу, где падала плотик. Лешка отхлал к берегу, спрятав лодку в затопичке и скривлся в джегранаке.

Саруг справа от Егорки тихонько хрустнула соломенная сухая ветка. Егорка повернул голову и присмотрелся. Сухие метелки камыша чуть вздрагивали. Через заросли кто-то пробрался. Кто? Это шел в заповедник, такс в камыше, усюпоко Егорку. Ведь так мог

красться только такой же, как и он, любитель зайцев.

Сухие метелки камыша чутко вздрагивали, означая направление, которым двинулся неизвестный. Егорка настоужился. Тот, кто прятался там, шел не к зарослям кустарников, а в сторону открытой песчаной косы, хотя и последнее охотнику известно, что ни один, даже самый гупный, заяц не будет сидеть на песчаной косе, где его увидят за километр.

Лебеди кормились на заливе. Они поочередно подплывали к куче трамы, высманной на плоту, бойливо хватали корм и отпльивали в сторону, гортично перекикаясь друг с другом. И когда из камышей осторожно выглянула голова в листьях треухе и тускло сверкнули вороненые стволы охотничьей дувальности, Егорка все понах: «На лебедей идет, паранит!»

Егорка тревожно заерал на месте. Он не мог представить себе, что сейчас раздается выстрел, и бодливо хватался коры и отпльивал в сторону, гортично перекикаясь друг с другом. И когда из камышей осторожно выглянула голова в листьях треухе и тускло сверкнули вороненые стволы охотничьей дувальности, Егорка все понах: «На лебедей идет, паранит!»

Егорка тревожно заерал на месте. Он не мог представить себе, что сейчас раздается выстрел, и бодливо хватался коры и отпльивал в сторону, гортично перекикаясь друг с другом. И когда из камышей осторожно выглянула голова в листьях треухе и тускло сверкнули вороненые стволы охотничьей дувальности, Егорка все понах: «На лебедей идет, паранит!»

Егорка решил слунуть лебедя. Он размыкал сухую длинную ветку джегранака, нацелил на колочки свою шапку и стал широко размахивать самодельным пугалом. Но, увлекенные кормом, лебеди не замечали Егоркиных предостережений. Не замечали они и лисьей шапки, которая джегранака к краю камышей и стала осторожно приподниматься, вытигивая поудобнее руку. Когда человек в лисьей шапке броском вынырнул на песчаную косу и, колосола ставя ноги, побежал к воде, Егорку подкинула неведомая сила.

— Стой! — заорал он и прыгнул

через джегранака, как заяц, удаивавший от собаки. — Лешка, держи его!

Лисий треух торопливо оглянулся на бегу и, заметив Егорку, припал на колени, не желая выпускать из рук добычу. Выгнув шею, лебеди тревожно и шумно забили крыльями по воде. В тот момент, когда дуллетом грохнула выстрел, на противоположном берегу залива высочили из кустов тонкая, проворная фигура Лешки. Картечь вышнула по воде метрах в двух от лебедя и тонко запела, уходя рикометом. «Промазал!» — радостно подумал Егорка, но тут же увидел, как Лешка, словно сплоскнувшись, плашмя упал на песок.

Егорка успел заметить злобные глаза, свернувшие из-под лисьего треуха, и приземистую фигуру, с шумом удаивавшую в камыши. Потом заржала лошадь, и раздался глухой топот копыт по песку. Торопливо взмакнув широкими крыльями, лебеди улетали от берега на простор темной воды.

— Лешка! — кричал Егорка, выскоци из кустов метрах в пяти от того места, где, распластавшись, лежал без движения несумный страж заповедника. — Ты живой, Лешка?

Егорка приподнял обмякшее худенькое тело и то было слышя трянуха за плечи. Лешкина голова безвольно мотнулася из стороны в сторону. После второй встряски Лешкины губы чуть дрогнули.

— Ты живой? — Егорка, придерживая за плечи, осторожно пощупал Лешку, прислоняя его голову к своей груди.

— Лебеди где? — сверкнув белыми глазами, тихо спросил Лешка. — Улетели они... На озеро улетели. А этот, в листьях треухе, что по ним стрелял, убе... У него ло-

шадь была, за камышами спрятанная, — торопливо говорил Егорка, обрадованный тем, что Лешка открыл глаза и заговорил.

Неутомный страж заповедника, который не терял присутствия духа ни в одной дурной, в холод и жару таскался по колочим зарослям и безжалостно отбирал у робит сылка, лопушки и сетки для фазанов, плакал, прижимаясь головой к Егоркиной груди и беспомочно вздрагивая худыми плечами.

— Куда тебе попаало? — Егорка стал торопливо осматривать Лешку.

— Ой! — вскрикнул Лешка, когда Егорка снял с него шапку.

— Гляди: картечная! — Егорка вытряхнул на ладонь сплюснутый кусочек свинца. — На взвете рикометом тебе задела и оглушила Лешка глубоко вздохнул и внимательно осмотрел картечину.

— С собой возьму, — сказал он и вытер остаток свинца.

Глаза его снова стали темными и недоевчеричными.

— А ты как здесь оказался? — спросил он Егорку скрипучим голосом и отошел в сторону.

— Известно как, — попуору сказал тот. — За зайцем пришел.

— Где петлю поставил?

— Вон в тех кустиках, возле камышей, — признался Егорка. — Часа два, как поставил. Наберу, уже зайчишка туда втапался.

Пойдем, покажу. Чего уж теперь... Ни разу не выпалада Егорке удача в заповеднике, но сегодня ему явно повезало: петля была пустой. У Егорки отлегло от сердца. Он не мог себе представить, как после всего того, что произошло, он вынулу бы из лопушки задущенного зайца с остелевевшими удивленными глазами. Егорка отывала волосную петлю и молча протянул ее Лешке.

В ЛУНОЙ ДОЛИНЕ ДОМЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Альберт КАН,
американской публицист

«Я не знаю более чудесного уголка в Америке!» — так восторженно отзывался Джек Лондон о Луной долине, расположенной в северной части Калифорнии. Он говорил это в начале XX века. Но и теперь Луная долина не утрадила своего необычайного очарования. На утренней заре туман легким голубым плащом окутывает заросшие лесом горные склоны, причудливыми кружевами ключники повисает на краях гигантских эвакитов и на столах земляничных деревьев цвета старого вина.

До самых гор, подернутых дымкой, простираются мягкие ковры лугов, среди которых тут и там раскинулись цветущие сады и виноградники. Волшебными ясными ночами, когда в бездонной вышине мерцают яркие звезды, с гор слетают едва ощутимые порывы ветра, напоенного ароматом цветов. И порой кажется, что здесь, в Луной долине, время остановилось и все вокруг осталось таким, каким было в те далекие годы, когда по неконченным полям и горным тропам мчался всадник с лучшей моржак, как любил называть себя Джек Лондон.

Но эта иллюзия рассеивается при виде оживленных автострад, прорезывающих долину, и телевизионных антенн на крышах домов местных фермеров... А что уж говорить о тех вечерах, когда люди собираются группами, чтобы наблюдать за полетом спутника!

Примерно на расстоянии миль от деревни Глен Эдлен проселочная дорога приводит нас к воротам, обозначенным двумя каменными колонами. На одной из них висит медная доска с надписью:

«Ранчо Джека Лондона. Джек Лондон, известный писатель, путешественник и доктор, жил в этом ранчо с 1905 по 1916 год. Родился в Сан-Франциско 12 января 1876 года. Умер

здесь 22 ноября 1916 года. Настоящая мемориальная доска установлена комитетом по охране исторических мест. Смысы Золотого Запада».

Да, Джек Лондон был сыном американского Запада! Но, пожалуй, трудно найти такого американского писателя, которого бы на всех континентах знали и любили больше, чем Лондона. И все же, кроме бронзовой доски на воротах его ранчо, немного указывает на то, что именно здесь провел последние десять с половиной лет своей жизни всемирно известный писатель.

Местные дельцы, в том числе и люди, занимающиеся продажей земельных участков, используют имя Лондона для привлечения туристов и оживления торговли. Но широкой публике проникнуть на ранчо трудно: вокруг расставлены знаки с надписью «Частная собственность»...

Развалины легендарного дома Морского Волка, дома, который сильно пострадал от пожара незадолго до смерти своего знаменитого хозяина, густо заросли бурьяном и дикими цветами.

Не многим повезло: пришлось поживать и в скромном деревянном домике, где Джек Лондон создал некоторые из своих самых прославленных книг, увидеть рабочий стол писателя, стоящий в комнате, стены которой увешаны иллюстрациями к его произведениям. По соседству хранятся библиотека Джека Лондона, насчитывающая несколько тысяч томов, и коллекция многочисленных сувениров, которые он привозил в Глен Эдлен со всех концов света.

Только в прошлом году калифорнийские власти наконец решили купить часть ранчо у его нынешнего хозяина — племянника писателя, чтобы превратить ее в общедоступный парк и музей.

Жизнь Джека Лондона не была лишена противоречий. Об этом свидетельствуют его произведения, которые, как утверждает Британская энциклопедия, делятся

на две различные категории: один он сочинил ради денег (в чем Лондон сам откровенно признавался в письмах), другие — прокинутые подкулаковой искренностью и боевым духом — создали ему за границы репутацию американского социалиста. Но как бы то ни было, приключенческие рассказы Джека Лондона отличаются необыкновенной живостью изложения и на редкость правдиво изображают страдания и героизм человека в его борьбе с могучими силами природы.

Как это ни странно, но противоречия, терзавшие писателя, продолжают преследовать его и после смерти. Жестокая ирония судьбы!.. В стране, где он родился, его помнит лишь как автора приключенческих рассказов. Но Лондон забыт как писатель, подаривший миру глубоко гуманные произведения, отмеченные теми волнующими социальными идеями, которые были особенно дороги ему и имели для него огромное значение. Многие в Америке читали «Белый клык» или «Зов предков», и лишь весьма ограниченный круг людей знаком с та-

кими произведениями Джека Лондона, как «Железная лгта» и «Борьба классов». Эти книги еще можно найти в библиотеках, но их перестали издавать, и ни одной, пожалуй, не купишь в книжных магазинах.

Хочется в качестве примера привести такой факт. Во время обсуждения вопроса об охране мест, связанных с жизнью и творчеством Джека Лондона в Глен Эдлене, один из членов комитета по увековечению памяти писателя с тревогой в голосе спросил: «А не был ли он радикалом?» Остальные члены комитета поспешили заверить своего коллегу, что Джек Лондон ничего общего не имел с радикалами. «Он, возможно, и придерживался передовых идей своего времени взглядов,— добавили они,— но если бы Лондон дожил до наших дней, его, вероятно, считали бы консервативно настроенным американцем».

Я уверен, что рассказы кому-нибудь из жителей Луной долины о том, что Джек Лондон часто начинал свои письма с обращения «Дорогой товарищ» и заканчивал их словами «Предан-

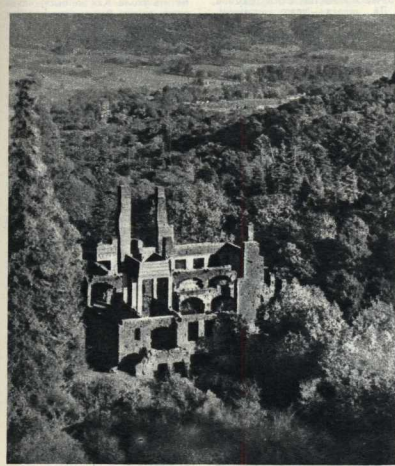

В этом деревянном домике Джек Лондон создал многие из своих самых прославленных произведений.

ный революция, это приняли бы за шутку.

При жизни писателя его взгляды были так же хорошо известны в Соединенных Штатах, как и в других странах. Так чем же объяснить, что сегодня у него на родине почти ничего не знают о его политическом кредо? Объясняется это прежде всего тем, что во времена Джека Лондона классовая борьба велась значительно свободнее в Соединенных Штатах и прогрессивное движение было более широким, чем в наши дни. «Каждый из двенадцати жителей штата Калифорния, — писал Джек Лондон, — подтвердил на выборах, что он является революционером». Теперь же в результате ожесточенной пропаганды, которая

мым благородным и самым совершенным существом на земле. Живя Джек Лондон в наши дни, его вера в человека укрепилась бы еще больше. Он нашел бы примеры мужества и достоинства, здравого смысла и порядочности, которые проявляются многими американцами в наши трудные времена. Мне довелось испытать это на себе. Когда в Глен Элене, куда я переселился с женой и детьми, некоторые макартистские элементы ополчились против меня, обвиняя в «опасных подпольных действиях», местные жители взяли мою семью под свою защиту. Они всячески выказывали нам сочувствие и дружеское расположение. Таких друзей, а не потеряз, а обред друзей.

Развалины дома Морского Волка.

велась и ведется на протяжении десяти лет «холодной войны», защита социализма приравнивается в США к государственной измене. Можно ли после этого удивляться тому, что проникнуть революционными идеями произведения Джека Лондона синтаксис в США не соответствующими духу времени?

Однако нельзя не признать, что в жизни американского народа произошла и некоторые перемены, которые могли бы только порадовать писателя, будь он сейчас жив. За эти годы трудовые люди США добились значительных побед. События то, что так энергично отстаивал Джек Лондон. Организовано более 15 миллионов человек. Больших успехов достигли и рабочие профсоюзы в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

Я думаю, что Джек Лондон гордился бы мужественной борьбой людей труда и женственной силой демократически устремлений американского народа. Он глубоко верил в человека, считая его са-

В те дни, когда мне довелось гостить в СССР по добровольному приглашению Союза советских писателей, я послал своим друзьям открытки со словами приветия. Позже они мне говорили, какое удовольствие в доставля им эти письма весточками из Советского Союза. Меня засыпали вопросами, просили рассказать, что и видел и слышал в СССР. Я имел случай лично раз убедиться в том, что антикоммунистская пропаганда, порожденная «холодной войной», не оставила глубоких следов в сознании американцев. Один мне говорил: «Мы действительно знаем о русских столь же мало, сколько они, вероятно, знают о нас. Если бы мы больше знали друг друга, то давно пришел бы конец «холодной войне». Другие заявляли, что между народами США и Советского Союза нет существенной разницы, что люди во всем мире одинаковы.

Да, я бы сказал, что здесь, в Ливинг долине, как и во всем мире, дух Джека Лондона жив!

Глен Элене, Калифорния, США.

Рисуюнок
Е. Гурова.

Герр лагерарит ведет прием...

Ни для кого не секрет, что под крыльцом боннского правительства бывшие гитлеровцы чувствуют себя в безопасности за пазухой. Сам престарелый канцлер Аденауэр лично покровительствует всевозможным ренессансистским организациям, благословенно взращивая отродья. Однако это покровительство вслестни маскируется. Для отвода глаз бонские воротилы время от времени инсценируют суды над третьестепенными гитлеровцами, чтобы доказать, будто в Западной Германии господствующее направление политики не склоняется к последствиям фашизма.

Главное для них — обмануть общественное мнение. Именно это объясняется тот факт, что унтершарфюрер СС голландец Музингарт оказался надежнее на скамье подсудимых. Когда-то он служил санитаром в лагере уничтожения Равенсбрюк и Маутхаузен. Разумеется, ни о каком «защаживании» там не могло быть и речи: засосец с красным крестом на рукаве ничем не отличался от эсэсовца, вооруженного автоматом.

Начала Музингарт «пользовался» своих пациентов с помощью обвинительных вердиктов. Причем он заставлял их вешать друг друга. Затем, очевидно, сплотившись, что он не достоин палача, а встали медицинский работник, пришлось вприсыпывать болным карболку и другие ядовитые вещества. Всего по его же собственному признанию, мыло уничтожено пятьдесят заключенных.

Вышедший унтершарфюрер рассказывал о своих «подвигах» спокойно и обстоятельно. Можно себе представить, какое удовольствие он доставил многим членам суда! Ведь известно, что подавляющее большинство высших правосудия в ФРГ поддизалось на этой ниве и при Гитлере.

Но сейчас нас больше интересует не личное в судебных мантрах, а в былых делах — так называемые враги, которые чудовищно извратили саму сущность медицины, то что является ширец в руги, профессионального убийцы и называемые «эффективные яды».

Где они теперь, эти антигитлеровские сотрудники гитлеровских машин уничтожений? Быть может, во вражеских глупых, но эффективных своих грехах? Никуда не бышало! Они из наставни диктанта, доктора Герта Обераха, а встали попользовался заключенными Равенсбрюк, как подопытными в промислах практической в Штоттене, неподдающуюся лечению, что это истощение, единственный случай? Нет.

Листая зарубежные
засты и журналы...

Доктор Герман Посс, личный зубной врач Гиммлера, подавший «плодотворные идеи» — вырывать золотые зубы у узников концлагерей, — обосновал в Западной Берлине Доктор Генрих Плавз, известный специалист по введению заключенных смертельных доз отравляющих препаратов, открыл врачебный кабинет в Баварии. Только теперь его называют «лагерарит» (лагерный врач), а просто «архат».

Но завиднее все сложилось карьера доктора Зигфрида Рудфа. Сей достойный иррец нуной во времена занялся проблемами влияния холода на живую организмы и в качестве экспериментального материала узников концлагерей. Гиммлер пристально интересовался его работой. Рейксфюрер СС любил подобные зрелища и не раз ходил от души, присутствуя при замораживании живых людей. Разумеется, такие заслуги Зигфрида Рудфа не остались незамеченными в ФРГ. И не удивительно, что этот «экспериментатор», ответственный за гибель многих человеческих жизней, является ныне профессором немецкого университета. Мому же, как не ему, можно доверить западногерманские власти воспитание молодого поколения!

Мы привели лишь несколько фактов, характеризующих отношение правящих кругов ФРГ и гитлеровским лагерям. Следует добавить, что на данных лондонской газеты «Санди таймз» в Западной Германии преследуют и благоустраивают сто двадцать «врачей» — бывших эсэсовцев.

Почему же в Бонне вс-таки решили помертвовать Музингарт? Мы долго терпелись в догадках, но не прочли в одном из заявлений немецкого министерства обороны, что «герои» битого вермахта сейчас валом валют в бундсвер и по-прежнему не платят штатных единиц.

Так вот, анализируя, в чем дело? Нет, санитари не мерзавцы. Музингарт может быть сплюснен. Едва найдется тепленькое место, где требуется его квалификация, о нем непременно вспомнят и наймут, чтобы работать, чтобы не такими преступными оправдывали в Западной Германии.

После, на досуге, господин унтершарфюрер может заняться со своим слесарем доктором Боннского университета «Из опыта мед. службы» СС.

Можно начинать, что профессор Рудф онант тут своему коллеге всемирную поддержку.

М. ВАСИЛЬЕВ

Отец и сын Хабаровы. Бруно внимательно прислушивается и наудому замечанию отца...

Фото Э. Швейкнера.

В. ВИКТОВ

Наследство

ЗНАКОМСТВО С ХАБАРОВЫМИ

Спортивный клуб общества «Даугава» находится в узкой, тесной улочке Вентспилса, в самом центре Риги, и найти его не составляло особого труда. Значительно труднее оказалось размясть в большом и пустынном в это летнее утро дворики отца и сына Хабаровых, ради встречи с которыми я и приехал в столицу Латвии. Только подвываясь на третий этаж, я наконец услышал издаലെ звон клинков, а затем и азартный крик, который обычно непросто вырывается из груди атакующего фехтовальщика.

И вот я на пороге удивительно зала. В нем только два бойца: один — в традиционном костюме — коротких белых брючках и в белой курточке, с лихо выгнутой грудью, другой — в толстых зеленых штанах и в такого же цвета ватнике, на которого то тут, то там торчат ключи. В момент, когда я вошел в зал, наконец-то шпаги спорят в бою, восточные вырвал новый клоч ваты из куртки своего партнера.

— Туше! — глухо крикнул последний. — Ага!..

В одном из фехтовальщиков я сразу же узнал Бруно Хабарова, молодого чемпиона мира. Но мне как-то не верилось, что человек в костюме защитного цвета — его отец. Я был уверен, что у Хабарова-отца, этого старого, бывшего спортсмена, лицо иссечено морщинами, словно от ударов эспадрино, а голова густо покрыта седойной. Передо мной же стоял стройный, весело улыбающийся молодой человек, а когда он снял с себя тенью не по сезону короткую, у меня плечи хорошо тренированного атлета и тонкую талию фехтовальщика.

Ему было тридцать пять лет, когда он наконец серьезно решил сосредоточить свои усилия на фехтовании. И в той традиционной федерации, которую образуют рапира, сабля и шпага, Сергей избрал последний. Чем же покорила Хабарова-старшего шпага? А тем, что в отличие от рапиры, «боевым полем» которой является лишь торс соперника, любой улол шпаги в голову, руки, корпус или ноги противника считается действительным. Это оружие наиболее широкого боевого диапазона, и оно требует от спортсмена не только физической точности, но и недюймовой силы. Достаточно сказать, что фиксатор, которым снабжен наконечник шпаги, включает электростатика лишь при точном попадании в 750 граммов.

Да, шпага — дело серьезное! И вот в тридцать пять лет Сергей Хабаров, бывший борец, боксер и ватерист, удивительно быстро освоил шпагу и вошел в Олимпийскую команду СССР. Он заранее предвещал свои встречи с непреодолимыми шпажистами мира — французами и итальянцами — но у нас, в Хельсинки, на XV Олимпийских играх, его постигла неудача: он выбыл из борьбы еще в предварительных встречах, и напротив себя сам Бруно искал в газетах дальнейших сообщений об отце. Бруно надеялся, что отец станет чемпионом Олимпийских игр, а я сам итальянец Эдуардо Манжарини.

Отгорюнный и разочарованный Бруно после этого и думать не хотел о клинке. Да и вернувшись из Хельсинки отец не очень-то угодовал. Сергей Сергеевич определил Бруно в хоккейную команду, а летом старался заинтересовать его плаванием и теннисом. Но в глубине души Хабаров-старший считал, что в конце концов прошли времена случайных удач и всевозможных приключений на ринге и корте, что теперь прочного успеха можно добиться только упорным трудом. И вот человек, который сам некогда шедро тратил свои силы на различных спортивных аренах, сейчас убеждал своего сына не размениваться!..

Однажды летом Бруно зашел в фехтовальный зал, где отец проводил занятия с новичками, и с того дня на деревянной стойке, где хранились клинковые шпаги Сергея Хабарова, появились еще одна рапира, а через полгода и в юношеской сборной стало одним спортсменом болше.

ЮНОСТЬ ОТЦА

Детство Сергея Хабарова было безрадостным. Он не помнил отца, который работал паровозным машинистом и погиб при железнодорожной катастрофе через три дня после рождения сына. В семнадцать лет Сергей уже был механиком в фирме «Омега». По вечерам, после напряженной работы, юноша находил утешение на борцовском ковче.

Его учитель, призер европейского первенства Янис Биетгаст, возлагал большие надежды на молодого борца, который успешно выступал в полутяжелом весе и скоро вошел в сборную команду Латвии. Но прошло немного времени, и Сергей совершенно неожиданно улежся боксом. На галантовато юношу обратил внимание тренер Бертиньш. Однако Сергей поочередно решил, что водное поло интересней, и улежся этим видом спорта. Но вскоре он покинул и бассейны — на сей раз ради фехтовальной дорожки.

БРУНО БЕРЕТ КЛИНОК

В шестнадцать лет Бруно Хабаров, получив специальное разрешение, впервые встретился со взрослыми, многократными бойцами, а в семнадцать уже принял участие в первенстве СССР. Но, как отмечали спортивные комментаторы, он вылетел из четвертьфинала, проиграв Мидлеру, уже в то время одному из лучших фехтовальщиков на рапирях. Несмотря на это, Бруно покусавшись себя сделать чемпионом страны. Хабаров-старший то и дело шептал на ухо сыну: «Смотри, учись, замечай!».

Дело до четвертьфинала на первенстве СССР — большой успех для «неоколонтного» новичка. Ка-

залось бы, теперь только и взять ему в руки рапиру. Но Бруно решил не уходить от середи фехтовальщиков на рапирях молодого Хабарова: он взял в руки фанзильное оружие — шпагу.

— Да спортивно, вследствие по замечанию поверенному нотариусом, не передается... шутливо замечает Сергей Хабаров. — Нам пришлось основательно поработать. На фехтовальной дорожке нечего делать тому, кто не научился предугадывать намерения противника. А если бы вы только знали, как сложно предугадывать! Это может показаться глупым, но стоял на олимпийской дорожке. Движения опытных бойцов столь стремительны, что даже самый искусный глаз не успевает застыть укол... Как же быстро надо уметь думать фехтовальщику! Вот смотрите... Хабаров вскакивает, выдвигает из стойки свою шпагу, и вот он уже в движении. Но фехтовальщик не успевает заметить вращения клинка, могут показаться однообразными, но «сларь» фехтования исключительно разнообразно. Число фехтовальных эфоров огромно. Сергей Сергеевич кладет свою шпагу на место и снова садится рядом.

— Прими мы только научиться на тренировках, да не забудь, чтобы и бою хватало хладнокровия. Быстрота и спокойствие — вот что нужно фехтовальщику. Иначе ему не удастся сохранить чувство равновесия, разогнаться и занимаемся здесь, — сказал, а заключение Сергей Сергеевич, показывая на середине зала, где бой с маляком краской прочерчена линия асфальта. Сергей Сергеевич за последние два года, я думаю, вам расскажет сам Бруно. Я уже слышу его шаг!..

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

В девятнадцать лет биография человека обычно ограничивается немногими подробностями: школой, тактом-то, окончил школу тогда-то... Бруно Хабаров этим летом сдавал выпускные школьные экзамены, но биография его значительно богаче, чем у многих его сверстников. Еще бы! Где только не побывал Бруно за последние два года!..

На первенстве страны 1957 года он попал в финал, а в следующем, восьмом месте, все же был включен кандидатом в сборную команду СССР. И вот первая зарубежная поездка: Бухарест, первенство Европы.

На этом соревновании золотую медаль завоевал советский спортсмен Валентин Чирков, а Бруно занял лишь пятое место. Но юноша многому научился. Столько нового, интересного узнал молодой спортсмен, наблюдая за сватками лучших шпажистов мира! А по возвращении на родину — снова удивительный зал в спортивном клубе «Даугава», снова занятия в группе сверстников под руководством отца. Но Бруно не был доволен. — Устраивай провинившиеся в Бухаресте недостатки, — думал Хабаров-старший. — Бруно плохо защищает плечи, редко применяет флеш-атаки, не умеет выводить соперника. Но отныне не будет с отцом заниматься Бруно. У него появился еще один учитель — тренер сборной команды СССР Лев Васильевич Сайчук, с которым и выступал еще на XV Олимпийских играх. Сайчук продолжил дело,

начает Сергеем Хабаровым. И вот новая проверка сил: международный турнир в Западной Германии. И снова посредственный результат — седьмое место в финале.

Но недаром русская поговорка гласит, что за одного ботина двух небитых дают. Горечь поражения вскоре обернулась для Бруно старыми победами: он выиграл первое место на чемпионате страны 1958 года. А наградой ему была поездка на первенство мира в Филадельфию.

Давно ли Бруно Хабаров ездил на Италию за успехами отца на крупнейших международных состязаниях — Олимпиадах игр! Теперь Сергей Сергеевич с интересным ходом ведет из Сосединых Штанов. Как разовался он, когда узнал, что сын занял на мировом чемпионате первое место в своей подгруппе. Как лиловал он, узнав, что Бруно, встретившись в четвертьфинале с его старшим сыном Эдуардо Манджаротти, победил его!

Проживая Бруно в Америке, Сергей Сергеевич предупреждал сына, чтобы при встрече со знаменитым итальянцем ни держался на дистанции, не позволял громоу сопернику проводить захваты оружия. И советы отца пригодились. О, это был трудный бой! И Сергей Сергеевич с захватывающим вниманием читал и перепечатывал скучные строки газетной информации, в которой рассказывалось о том, как нане первый укол Манджаротти в каком блестящем стиле Хабаров — тут Бруно выиграл. Две красивые лампочки вспыхнули разом, зафиксирован «дубль» — одновременный укол, который нанесли друг другу соперники. Бразилия и Италия впервые не выходили. Бруно победил со счетом 5:4.

Что и говорить, любил в свое время выигрывать Сергей Хабаров, любил и никогда не скрывал этого. Но никакая победа не доставляла ему такой радости, как теперь, когда газеты и радио сообщали об успехах его сына в Филадельфии. И ни разу в жизни не был он так глубоко огорчен, как в тот день, когда узнал, что Бруно проиграл в финале знаменитому французскому фехтовальщику Муялю и потерял поражение еще от двух своих товарищей по команде, заняв всего лишь восьмое место.

«Ничего!». Теперь Бруно хоть и сидит на скамье для зрителей, но сколько поучительного извлечет он для себя из этих пристальных наблюдений, — утешал себя Сергей Сергеевич. — Ведь со стороны виднее, особенно в таком спорте, как фехтование.

И действительно, Бруно Хабаров в это время внимательно следил за поединками итальянцев Пеллегрини, Павези, Бертинетти, Дельфино, Манджаротти и англичанина Хоскина.

Так от соревнования к соревнованию накапливал Бруно ценнейший опыт. В марте 1959 года он выехал в столицу Франции на первенство мира среди юниоров.

«ЭТО ОЧЕНЬ ПРОСТО»

Итак, Париж. Сорок восемь молодых шпажистов приехали сюда — померяться силами. Последовательных схваток два товарища Бруно — А. Глухов и А. Никанчиков — вывели из борьбы. В финал попал только один представитель СССР, и ему предстояло сразиться с двумя итальянцами, французом, немцем, голландцем и двумя румынами.

Для того, чтобы занять хоть бы третье место в таком турнире, необходимо, чего бы это ни стоило, идти на выигранный, и только на выигранный Так решил Бруно, и вот он побеждает одного соперника за другим... Только у двух участников финальных схваток

Бруно Хабаров атакует...

оказалось по четыре победы: у советского спортсмена Хабарова и у итальянца Саккоро...

Нерудно представить себе волевыми Бруно Хабарова, когда настал час его поединка с главным соперником. Удалось ли взять себя в руки, удался ли сохранить спокойствие и бистроту?

Итальянцев стремительно атаковал. Он проводит один укол, другой. Его броски столь внезапны, что лишь по вспышке лампочки зрители узнают о результатах этих молниеносных атак. Саккоро ведет 3:0. Бруно все еще никак не может приспособиться к его манере; Хабаров то и дело опаздывает с ответом, на какое-то мгновение не успевает контратаковать.

И вот печальный итог этой встречи. Поражение, да еще со счетом 5:0!

Казалось бы, первое место теперь безоговорочно утеряно. Но, видимо, слишком много сил потребовало от итальянца победа над советским спортсменом. К всеобщему удивлению, Саккоро легко проиграл голландцу Дингеру в то время, как Хабаров бразильца разгромил последнего. Таким образом, судьба золотой медали должна была решиться после второй встречи Хабарова с Саккоро.

Знаю, что еще не все потеряно, что счету предостой опыт встретиться с итальянцем, Сергей Сергеевич и атаковал, и вместе с тем встревожился. Как трудно будет Бруно снова выйти на борьбу.

Итак, азия в руки шпагу после проигрыша со счетом 5:0! Отец надеялся только на одно: что сын сумеет разобраться в причинах этой неудачи.

Отец не ошибся. Бруно знал, как ему надо действовать, чтобы добиться победы. Прежде всего нужно опережать атаку итальянца. Если опасны, но однообразны. Так почему же не использовать единственный свой любимый контратакующий прием, основанный на отводе шага соперника? Сложные тактические комбинации он, Бруно, предпочитает прямой, простой укол. Вот и все!

Так думал Хабаров-младший перед боем, но первый укол нане Саккоро. Бруно удалось провести контратаку, но итальянец опять оказался впереди. Счет стал 2:2, и снова Саккоро удался его флеш-атака. Но Хабаров чувствовал, что стоит на правильном пути. Он теперь на деле проверял свои тактику, свое существование вошел в ритм схватки — стремительной, но однообразной. И вот еще раз счет сравнялся: 3:3. А за следующие мгновение очередной бросок молодого итальянца кончился заволеванием. И Бруно Хабаров шагнул конусом руки Хабарова. Счет стал 4:3. Теперь нужно было провести еще один укол. Всего один — и золотая медаль завоевана! И Бруно Хабаров провел этот укол, снова опередив Саккоро.

...Отец поехал на вокзал встретить сына вместе с другими своими учениками, друзьями Бруно. Это была первая встреча с чемпионом, с беспредельными вопросами. Но когда отец и сын остались вдвоем, Сергей Сергеевич спросил Бруно, не торопился, описать весь свой «перебор» с итальянцем. — Это было... очень просто... — сказал Бруно, — тут и рассказывать нечего. Я просто опередил его атаки, вот и все.

И, услышав от сына словечко «просто», Сергей Сергеевич, может быть, впервые по-настоящему понял, что его боевое наследство попало в надежные руки.

Ведь простота, как правило, признак мастерства!

Новая победа Бруно на чемпионате мира в Будапеште лишний раз подтвердила это...

Г. Рига.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПУТЬ В ПОЭЗИЮ

Юноша повторял про себя, словно зачарованный: «Александрит, александрит...» В те дни он был влюблен в этот необыкновенный камень, который несколько раз в сутки вспыхивает огорчен, становится то синим, то лаковым, то сиреневым...

В кармане у юноши, работающего монтером на телефонной станции, лежало только два личные бытика в форме монеты для проверки телефона-автомата, но он заходил в ювелирный магазин просто полюбоваться живым огоньком, теплявшимся в глубине чудесного самоцвета. И девушка-продавщица встречала улыбой этого мечтательного парня в спецовке.

Прошли годы, и читатель увидит новое имя в «поэтической рубрике» — Алексея Недогонова. Как-то очень быстро полюбил его неувотный поэт. Но ради этого признания поэту пришлось много потрудиться и в шахте и у станка.

И вот уже о нем самом, погибшем так рано от несчастного случая, написана книга, выпущенная недавно издательством «Советский писатель». Она принадлежит перу Виктора Тельтугова. Это первая книга критика, и отрандо, что он сумел уловить главное в творчестве Алексея Недогонова. Автор монографии говорит о поэте прежде всего как о лице своего поколения создателей, признанных комсомолом на стройках первых пятилеток, и юнцов, защищавших родную землю в годы Отечественной войны.

Недогонов шагал по жизни с песней, в самом прямом значении этих слов. Его производственная биография — плотника, кре-

пильщика, ремонтника, врубашника, солдата — удивительно органично смыкается с поэтической биографией. Автор внимательно прослеживает, как каждая новая профессия обогащала мастерство поэта, делала его взгляд, углубляла понимание действительности.

Недогонову органически чужд «хрестоматийный глянec». И правильно поступил исследователь, не ограничившись только разбором канонического его наследия. Рядом с известными стихами и поэмой «Флаг над сельсоветом», удостоенной Сталинской премии, В. Тельтугов приводит черновики, наброски, вспоминает импровизации Недогонова. Автор книги входит нас в творческую лабораторию поэта. И даже отравляет вместе с ним на прогулку по ночной Москве, чтобы мы увидели, как улыбаются со светотрою, который кажется ему бедным художником, обладающим лишь тремя красками, и слушает со счастливым лицом неумолчивый голос стройки.

Монография о Недогонове в значительной степени адресована детям и подросткам. Автор не только и не только зывает не только, с чем пришел шахтерский сын в большое поэзию, но и как завоевывал им высокое звание поэта. Рассуждения о каком-нибудь простом рабочем парне, который пишет сейчас свое первое стихотворение. Потом он пойдет на завод и в обещанный перерыв, тут же, у своего станка, проведет полчаса с товарищем по бригаде. И они подумают с гордостью: «Наш поэт».

И хочется сказать этому паренку, известному пока лишь в пределах одного цеха, что он на правильном пути. Ведь так часто бывает когда-то большому поэт Алексей Недогонов.

М. ИГНАТОВ

СОЮЗ МЕЧТЫ И РУК

Чашком стекла эти слова неизменно вызывают восторженные ассоциации: А ведь можешь увидеть не так-то легко...
Вы поднимаетесь по ступеням Центрального выставочного зала, проходите вестибюль... И — не можете узнать Манеж: наши чехо-

словами друзья — архитекторы, художники, сценаристы — превратили его в какое-то сказочное царство, где на каждом шагу, за каждым поворотом все новое и новые вещи поражают ваше зрение и слух.

Начала стелю рассказывать свою историю. Старинные кувшины украсили, великолепные цветные витражи навешены из века в ве искусство чешских стеклоделов прошлого. Это они, влюбленные в красоту народных мастеров, создали удивительными и цветами родного края богачи кристалл, выискивая знаменитое венечанское стекло.

Как законченное продолжение народных художественных традиций воспринимается зрителем работа мастеров новой Чехословакии. Зисплатны, в разделе художественного стекла, привлекают органичным сочетанием традиционного и современного. Смыслим стелю, замечательным образом нового отмечены эти истинно великие. Чаша гармония линий и цвета, насыщенная фантазией. Стелю графное, гравированное, раскрашенное, золоченое, протравленное. Вазы, бокалы, шатуны, стелю скульптурные...

Тут же находится маленький стеновый чех, где прямо на глазах у зачарованных зрителей по рукам мастеров-художников рождаются датежные стекляные фигурки...

Не может поразить неистощимую выдумку, свежесть и тонкий художественный вкус устроенной выставки. Тема стекла и его возможностей расширяется самыми разными и неожиданными средствами.

Вот вы видите кованую: ее интерьер боден и стучен, здесь чего-то явно не хватает. Вдруг меняется свет, и вскоду вспыскивают, начинают играть многочисленные предметы и детали из стекла — комната совершенного преобразуется. Вот огромные «веселые часы», где из одной нитки в другой ровной струйкой течет разноцветный «исер». Общей идее служат и демонстрируемый сразу на пяти экранах выразительный, красочный мультфильм «Квадрат и стелю» и сопровождаемая «хрусталь» музыкальная пантомима «Рождение стелю».

От стелю к стелю, от зисплатны к зисплатны, нарастает ваше восхищение великолепием искусства чешских стеклоделов. Женщины подруги не могут оторвать взгляд от великолепной бижутерии — бриллиантовых ожерелий, браслетов, брошей, серег и других «драгоценностей», которые совсем не дороги... Да, замечательные мастера живут в городе Яблонец на Нисе!

По святыенному стеклянному переходу вы попадаете в раздел технического стекла и останавливаетесь, пора-

женные новой, строгой красотой — красотой целесообразности. Сложившаяся лабораторное оборудование — все это переплетение новейших изобретений, труб и трубочек — воспринимается как подлинное произведение искусства. А главное, здесь стелю раскрывает свое огромное будущее. Когда смотришь на многочисленные изделия из достояния строительного, химического, технического и безопасного, оптического и пеничного, когда видишь изумительное по своим свойствам стекловолокно, начинаешь понимать: стелю

вступает в свою новую эру — эру борьбы, эру борьбы долго ощущать и высту- пать, а затем трубу трубу. Такие трубы найдут применение при многих процессах, не говоря уже об общепризнанном стеклянном производстве оптических элементов тонких металлов. Рядом люди оружили большую войну с кипящей водой. Низинных источников тепла не видно и колбы припаяла медная проволока. Оказывается, это стелю, аэтеропроводящее. Возможно перечислить даже десятой частью показанных здесь вещей, и облицовочные плитки, и строительные материалы будущего, и даже медаль из пластика.

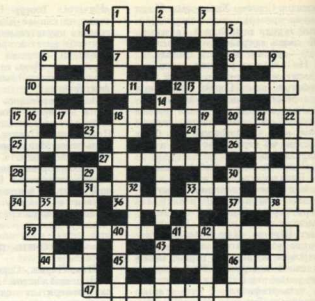
Триста тысяч видов изделий этого рода производится на заводах Чехословацкой Республики 120 стран почитают эту продукцию. Шедеры красоты и точности. Выставка в Манеже продемонстрировала нам рядо-

мужчины подругу не могут оторвать взгляд от великолепной бижутерии, искусство, для которого, как не существует, не существует, и нехарактерно из посетителей, наклоняясь в одном из залов и женщины с демонстративной пылкостью, прозвучит: «А трава тоже стеклянна?». Действительно, после всего увиденного это представляется вполне верным.

Секрет чешского стекла — в трудолюбивом искусстве чехословацкого народа. Об этом хорошо говорит строение «Фантазия Грубина» Франциска Грубина:

...Сою мечты и рук,
Отсюда зисплатны стелю!
Берет истоки это чехо!

Д. НАГАЕВ

КРОССВОРД

Составил А. Цетковск

- По горизонтали:**
1. Первоначальное сырье для производства пластмасс, лаков. 6. Поэт и певец у древних кельтов. 7. Король, объединитель.
 8. Город в Калининской области. 10. Вещество, обладающее эрозионной способностью.
 12. Органическое соединение, придающее растениям яркий цвет тканям.
 15. Английская философская прослава машина с многоступенчатых граванах. 18. Область в центре в Казахстане. 20. Кустарниковый кустарник в виде кустарника. 21. Город в Ингрии. 25. Персонаж из оперы «Саломея» Жюльетты.
 26. Алхолохотворительная трава. 27. Выдающийся советский химик. 28. Центр Адыгейской автономной области. 29. Выдающийся металлург-доменист. 31. Крупный промышленный центр в Чехословакии. 33. Чехословацкое растение. 34. Часть кристалла. 36. Газ, индийский на производстве синтетического каучука. 37. Выдающийся ученый в Китае и СССР. 38. Печеный форма.
 41. Лучшая учащаяся. 44. Минерал драгоценного камня. 45. Воздушная птица, предок домашних уток. 46. Частое вещество для лопы рыбы. 47. Способ преобразования металла от коррозии.
- По вертикали:**
1. Индустрия, полупродукт для производства красителей. 2. Модель здания, оборудования, машины. 3. Государство. 4. Низкое растение, содержащее эфирные масла. 5. Приемный запихок, применяемое в шифровании. 6. Курорт на севере Швейцарии. 9. Старинный город в Харьковской области. 11. Гравальное забавное шифрование. 14. Известный советское растение с большим содержанием витаминов. 17. Город в Крымской области. 18. Возможный элемент, составная часть всех органических веществ. 19. Одно из основных подразделений К. Маркса. 21. Тонкое животное тропических стран. 22. Искусственный высокопрочный камень. 29. Массовая приманка для лены. 30. Пищевая мука высшего качества. 32. Углубление в стене. 33. Стеблевой орган растений, служащий для усвоения углекислоты. 35. Металл, новый металл. 38. Древесная единица измерения веса. 40. Сельскохозяйственный. Старинный город на Урале. 43. Крупный метеор.

Первая страница обложки: Перед полетом. Слева направо: спортсмены-планеристы Николай Фотисов, Владимир Чупинин и Леонид Хетерев (см. очерк «В летний день на стр. 19, 20, 21, 22).

Четвертая страница обложки: Идет утренний туман (см. фоточерк «Город юности»). Фото Д. Луицкого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

1. Нахичев. 2. Самарин. 3. Шолохов. 4. Софийск. 5. Чигорин. 6. Пихоний. 7. Полюнов. 8. Волотов. 9. Петерин. 10. Телетин. 11. Митурин. 12. Симонин. 13. Лавин. 14. Ватулин. 15. Дюбинин. 16. Булавин. 17. Шалашин. 18. Вавилон. 19. Лебеден. 20. Сенянин. 21. Радзинен. 22. Шаронин. 23. Шапоров. 24. Маннер. 25. Морозов. 26. Соколов. 27. Лодыгин. 28. Погодин. 29. Ваваров. 30. Давыдов.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Урюков, И. Зонов, М. Луконин.

Главный редактор М. А. Великий.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Л. Новикова.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-35-24, очерков и публицистики — Д 3-35-24, спорта, информации — Д 3-35-50, писем — Д 3-31-59, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очерков и публицистики — Д 3-34-24.

А 06552. Подписано к печати 17/III 1959 г. Тираж 460 000 экз. Изд. № 1293. Заказ № 1766. Формат бумаги 70x106/16. 1,75 руб. — 4,8 п. л.

Ордена Ленина «типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

